Леонид Аскольдов

За кулисами цирка

с предисловием

Бориса Зайцева

Сборник рассказов

ПАРИЖ
1961

Леонид Аскольдов

За кулисами цирка

Сборник рассказов

с предисловием Бориса Зайцева

ПАРИЖ
1961

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга о цирке

Особый мир, странный и элементарный, что-то и детское есть в нем и древнее, и веселое и трагическое. Люди, лошади, звери, укротители и укротительницы, клоуны (говорят, часто очень печальные в жизни люди), наездники, акробаты, за которых сердце замирает, когда они "в поднебесье" цирка вертятся на своих трапециях, ежеминутно рискуя разбиться...

Леонид Аскальдов хорошо знает этот мир, из его рассказов цирк виднеется как живой — не совсем такой, каким был он в России, в годы молодости моего поколения: тогда было проще и патриархальнее. Тут целая эпоха. Врываются страшные ноты войны, насилий, обвинения в шпионстве. Как будто и грубей нравы властителей цирка (впрочем, может быть, и ошибаюсь: юность наша слишком далека была от мордобоя, но у Куприна, например, который цирк знал и любил, атмосфера иная).

Во всяком случае, у Леонида Аскольдова лучше и заразительнее получаются люди простые в цирке, сотоварищи — артисты, а не верхушка. И еще более удивительно, что — не в обиду будь сказано людям — — звери вызывают особое сочувствие. Слон, исполня-

ющий роль брадобрея, слониха, не желающая расстаться с сыном при морском переезде, оркестр тюленей, обожающий свою "укротительницу" норвежку (арестованную за яко-бы шпионство в пользу немцев) — их последний выход из цирка к океану, куда она спроваживает их и сама падает в слезах в обмороке — все это очень человечно. Там, где есть любовь, там и жизнь и свет.

Вся книга Леонида Аскольдова о цирке проникнута человечностью, "гуманизмом". Написана просто, живо, приоткрывает мало-известный мир международного цирка нашего времени, вызывает сочувствие читателя.

Вот огромный пароход увозит цирковых слонов из порта Северной Африки в другой такой-же портовый город ("Необычайные пассажиры"). У огромной слонихи сын, слоненок Зазу, родившийся в странствиях. Она обожает его, и когда оказывается, что в ее кабинку в трюме Зазу не умещается, разносит эту кабинку вдребезги, а Зазу трубит победоносно своим юным хоботом.

Наконец, все улажено, пароход с опозданием выходит в море. Оркестр на палубе исполняет бравурный марш. Что-же оказывается? Русский марш: "Бой под Ляояном".

"Думал-ли когда нибудь скромный русский капельмейстер одного из серых пехотных полков — великой силы Российской — что творение его прочно войдет,

как классический марш, в программы цирков, мюзик-холлей и военных оркестров всего мира".

Да, скромные всегда в тени. Теперь каждая страна считает этот марш своим, "издавая его под своим собственным названием и даже часто за подписью своего собственного вора-композитора".

Торжественным русским маршем заканчивается эта небольшая и скромная, но живая и даровитая книжка.

Бор. ЗАЙЦЕВ

Чемпион в отставке

I.

ДИРЕКТОР цирка, приземистый мужчина с квадратной фигурой и багровым лицом, отделился от кассы и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, побежал к месту назревающего скандала.

Наподобие гудящего пчелиного роя шеститысячная масса публики — добрая половина населения небольшого города французской провинции — до отказа заполнившая огромное «шапито»*) цирка «Гельдер», возбужденно шевелилась, с нетерпением ожидая начала спектакля.

Возле центральной ложи, напротив оркестра, почему-то образовался затор, затрудняющий движение контролеров: в центре группы оставивших свои места зрителей находились два человека, с весьма сосредоточенно-деловым видом наносивших кулаками страшные удары друг другу. Один из партнеров этого непредусмотренного программой «номера» был геркулесовского вида, немолодой уже, прекрасно одетый мужчина — представитель местного населения, а другой — цирковой артист, стройный моложавый красавец, выдаю-

---

*) Так называется во Франции и во всем мире передвижная палатка с брезентовой крышей и такими же стенами, являющаяся основным «зданием» бродячего цирка.

щейся силы атлет шведского происхождения, Вальтер Томатова.

Господин Макс фон Гельдер подскочил к месту конфликта как раз в тот момент, когда Томатова от полученного сокрушительного удара в подбородок, описав в воздухе полукруг, пролетел через низкий барьер, отделяющий ложи от писта, и грохнулся на мягкий «ковер» из опилок.

— Довольно! — приказал директор цирка вмиг вскочившему на ноги и готовому к дальнейшему бою хорошо тренированному циркачу. Последний со скрежетом зубовным от уязвленного самолюбия принужден был отказаться от «реванша», поневоле признав себя побежденным.

Восторженный рев толпы «санкционировал» победу провинциального «Геркулеса».

— Мой дорогой господин Пермантье! Как я рад видеть вас у меня в цирке. Я бесконечно вам благодарен за оказанную честь... И очень сожалею, что не мог встретить вас раньше у входа, будучи занят у кассы... Ну, конечно, вам по праву принадлежит самое почетное место в моем цирке... Я извиняюсь за наших дураков контролеров.

Такими изысканно-льстивыми словами господин Макс фон Гельдер приветствовал почетного зрителя и желанного гостя.

Затем, обращаясь к обескураженному, окровавленному и ничего не понимающему шведу и продолжая сохранять умиленное выражение на суровом лице, директор старался до конца выполнить свою роль светского человека и любезного хозяина.

— Вы знаете, Вальтер, какая честь выпала на вашу долю? Ведь перед нами не кто иной как знаменитый боксер, бывший чемпион Франции и мира Луи Пермантье!...

Почтительно пожав руку мировой знаменитости. Макс

фон Гельдер на этом закончил свою речь. Физиономия его вдруг приняла свое обычное выражение недовольного бульдога и совсем другим тоном «двуликий Янус» зло прохрипел в сторону циркача: «какого чорта стоите? Поспешите привести себя в порядок! Или забыли, что ваш номер проходит в первом отделении? Ступайте! Я заменю вас в контроле».

В порядке полной нагрузки работой, неизменно практикующейся во всех бродячих цирках, атлет-акробат Томатова исполнял обязанности старшего контролера (чрезмерно избалованный зритель, недовольный отведенным ему местом, придрался к старшему контролеру — объяснение произошло по цирковой традиции, при помощи кулаков). В порядке же сторожайшей цирковой дисциплины примерный циркач поспешил «залечить» свои свежие раны и густо напудрив синеву распухающего глаза, терпеливо ждал в своем вагоне выхода на сцену. Разминая мускулистое тело обычными перед работой легкими гимнастическими упражнениями, он почувствовал сильные боли в спине, но это обстоятельство беспокоило его совсем мало. Это пройдет. А вот, в чем он выйдет завтра на контроль? Залитую кровью белоснежную рубаху придется выбросить и надеть другую (это сделать не трудно), но чем заменить новенкий разорванный, весь запачканный смокинг, пришедший в полную негодность, после неожиданной, хотя и непродолжительной, но довольно яростной схватки?

Конечно, как настоящий цирковой артист и истый спортсмен Томатова чувствовал себя польщенным «высокой честью», оказанной ему чемпионом мира, но что скажет завтра господин Макс фон Гельдер, увидя его, всегда такого безукоризненного старшого контролера, в обыкновенном костюме?...

II.

ПО ДОСТИЖЕНИИ предельного успеха, славы и материального благополучия чемпион тяжелого веса Луи Пермантье во-время ушел на покой с ринга-арены. Не дожидаясь начала неизбежного заката своей звезды мирового масштаба, знаменитый боксер сразу отрезал все пути к возвращению к манящим огням ослепительной рампы, решительно и навсегда покинув родной свой «Панам» *).

В качестве тихой пристани для дальнейшей жизни он избрал небольшой провинциальный город, расположенный в чудной живописной равнине, где и обосновался солидно и прочно, соответственно своим наклонностям и вкусам обыкновенного среднего француза.

На месте старомодного, отжившего свой век «бистро» стараниями нового хозяина (changement de propriétaire) появилось лучшее в городе кафе-ресторан.

Порвавши с мимолетными связями — молодыми, прекрасными, но легкомысленными женщинами, рассудительный француз примирился и снова сошелся со своей законной женой, хозяйственной, доброй и простой провинциалкой, которая и заправляла всем делом. Ему же самому оставалось только директорствовать, то есть ничего не делать и жить в свое удовольствие.

Целая библиотека журналов и бесчисленные фотографии, свидетельствующие о блестящей карьере прославленного артиста, силошь покрывавшие стены модного кафе "Chez Louis" образовывали в нем особую специфически-спортивную обстановку. Престиж «героической» артистической жизни и ореол мировой славы создавали вокруг бывшего

*) Так называется на столичном жаргоне Париж.

чемпиона насыщенную какими-то необыкновенными флюидами атмосферу, вызывавшую подъем патриотических чувств у многочисленных завсегдатаев кафе-ресторана, справедливо гордившихся и искренне полюбивших своего знаменитого и симпатичного нового горожанина. Солидные отцы города соревновались с восторженной молодежью в выражении самых горячих чувств симпатии и преклонения перед «нашим Луи». Всеми уважаемый чемпион в отставке безусловно и прочно воцарился в городе Н. Обаяние его личности было настолько велико, что наиболее горячие поклонники прославившего родину француза в восторженном воображении представляли себе своего кумира даже будущим мэром.

Может быть так оно и было бы, и Луи Пермантье достиг бы к концу своей жизни высшей ступени на общественной лестнице в своем «маленьком царстве», если бы не странные выходки, а по мнению некоторых граждан — недопустимые скандалы, нарушававшие с некоторого времени не только монотонную благонравную жизнь почтенного обывателя, но и общественный порядок самого мирного патриархального городка.

В чем же дело и где причина такой метаморфозы ? Французы в этих случаях говорят: «ищите женщину!». А русская народная мудрость определяет положение иначе : «седина в бороду, а бес в ребро»...

Все это как будто и так, но не совсем...

III.

В ПЕРВЫЙ год по прибытии на новое место Луи Пермантье шумно отпраздновал свое пятидесятилетие. И вот теперь, после четырех лет уравновешенной и тихой семейной жизни стареющий коммерсант с усыпанной серебром голо-

вой вдруг с юношеским пылом влюбился. Правда, любовь его была особенная, без обычных в таких случаях страстных порывов, ибо была она в высшей степени платоническая, но все же — настолько глубокая и значительная, что смогла своей силой заметно повлиять на мирный характер «стареющего льва».

В городе было гимнастическое общество, почетным председателем которого был, конечно, Луи Пермантье. Знаменитый боксер захаживал иногда на занятия-тренировку членов общества, одним своим присутствием вызывая повышенный спортивный подъем в сердцах экзальтированной молодежи. Иногда «мэтр» оказывал особую честь какому-нибудь выдающемуся своей силой и ловкостью молодому спортсмену и вызывал его на примерное состязание. Снисходительно поиграв с любителем наподобие кота с мышкой, прославленный на весь мир профессионал клал свою жертву на обе лопатки сознательно сдержанно-слабым ударом. Все в обществе отлично понимали, что в городе не было и не могло быть достойного и хотя бы приблизительно подходящего для Луи партнера для серьезного выступления. Сам же Пермантье с сознанием собственного достоинства давно примирился с таким положением, хотя у него и «чесались» иногда руки от соблазнительного желания «засветить» как следует и всерьез какому-нибудь недостаточно почтительному «нахалу», начинающему слишком много о себе воображать.

(Правда, иногда Луи Пермантье удавалось отводить свою душу на заезжих циркачах-балаганщиках. Но это случалось довольно редко и только в летний сезон. Он бывал тогда бесконечно счастлив, когда в гастролирующем маленьком цирке находил достойных себе противников, с которыми

мог «схватиться» по-настоящему и без стеснения дать волю своим кулакам.

— «Мой отец был цирковым акробатом и сам я родился и вырос в маленьком «шапито», — с гордостью говорил обыкновенно бывший чемпион, приглашая после представления всю труппу к себе в ресторан).

Установившееся положение не менялось до того дня, когда в гимнастическом зале появилась совсем молоденькая барышня, склонная к полноте, небольшая блондинка. Скромная девушка по имени Лили ничем особенным не отличалась — ни красотой, ни сложением, ни остротой ума. Она была крайне смущена неожиданным вниманием мэтра, ухаживания которого, правда, не шли дальше поднесения ей цветов, шоколада, конфет. Совершенно непонятно, каким чарами пленила и покорила искушенное сердце почетного председателя такая незаметно-простенькая провинциалочка. Но факт остается фактом — с этого дня отставной чемпион потерял свой покой.

Желая казаться «молодцом» перед предметом своего сердца, Луи Пермантье из флегматичного стареющего буржуа, сразу превратился в своем воображении в молодого энтузиаста-спортсмена. Теперь он не пропускал ни одного собрания любителей бокса. С юношеским задором он буквально рвался в бой и побивал всех молодых людей подряд, без разбора. В горячем пылу состязаний чемпион не ощущал уже чувства меры и потерял способность сдерживать стихийную силу своих кулаков. В результате таких перемен в методах переживавшего вторую молодость профессора, все любители «благородного спорта» ходили по городу с разукрашенными физиономиями, с видом невинно пострадавших людей, переживших какую-нибудь катастрофу.

Лили больше не появлялась на собраниях, гимнастический зал опустел и само общество как бы временно прекратило свое существование.

IV.

БЫЛО БЫ полбеды, если бы на этом первом акте водевиль и закончился. Гимнастическое общество не весь еще город и «сор из избы» мог бы остаться в самой «избе». Но вся беда в том, что комедия продолжалась, и, что задетый за живое, председатель настойчиво продолжал искать встречи с Лили по всему уже городу. Так, например, его видели в ее обществе на почте перед guichet № 2; в другой раз он разговаривал с Лили в „Monoprix" по выходе из которого разбил нос одному лицеисту старшего класса за то, что тот отпустил, якобы, по адресу «мэтра» что-то вроде «влюбленного старика».

Вообще, бывший чемпион сделался очень мнительным — ему всюду казалось, что над ним насмехаются. Однажды он легким knock-aut-om сбил с ног почтенного служащего «Лионского Кредита», бравшего ежедневно „Chez Louis" свой апперитив Dubonnet. Подозрительному хозяину показалось, что клиент в разговоре со своим приятелем- дантистом упомянул имя Лили. Этого было достаточно для нанесения оскорбления действием лучшему клиенту и другу. Банковский кассир пожаловался находившемуся тут же в баре комиссару полиции. В результате «дружеского» вмешательства последнего и искреннего желания загладить недоразумение, сам блюститель порядка долго ходил по городу с перевязанным глазом. Правада, не дальше, как на другой день, дело было ликвидировано и примирение состоялось за лукулловским обедом с обильными возлияниями „Chez Louis", но обед этот дорого стоил хозяину ресторана.

Но это еще не все. На этом не закончилась серия больших и малых скандалов.

В своем настойчивом стремлении увидеть Лили, родители которой строго заказали ей не отвечать даже на поклоны «старого сатира», Луи Пермантье перешел все границы. Он не постеснялся под каким-то благовидным предлогом проникнуть в Hôtel de Ville, где Mademoiselle Lily с недавнего времени занимала небольшую должность, как и ее отец — скромный стародавний служащий городского управления. Господин мэр принужден был принять соответствующие меры для ограждения семейной чести своего подчиненного и вежливо попросить господина Пермантье немедленно оставить вверенное ему учреждение. По этому поводу злые языки поговаривали, что после такого мужественного выступления первому гражданину города пришлось «благородно ретироваться» и, очутившись в осадном положении, отсидеть некоторое время в cabinet de toilette, пока вызванный начальник полиции не уговорил потерявшего голову почетного гражданина по-хорошему удалиться домой.

Оскорбленный до глубины души мэр, воспользовавшись небывалым скандалом, повел ожесточенную кампанию против предполагаемого и возможного соперника на будущих муниципальных выборах. В глубине души он был очень доволен «сумасшествием» Пермантье, сильно скомпрометировавшего себя в глазах населения. В общем, на чрезвычайном заседании отцов города было постановлено принять решительные меры для приведения к порядку «свихнувшегося» гражданина. Прежде всего решено было обратиться к мадам Луи Пермантье, как известно, пользовавшейся раньше большим влиянием на покорявшегося ей супруга.

V.

МАДАМ МАРИ, законная жена бывшего чемпиона была маленькой, полной и круглой, как шар, миловидной блондинкой. Она была на семь лет моложе мужа, которого обожала. Пройдя с ним весь тернистый путь начинающего карьеру боксера, верная, подруга пережила с ним и лучшее время его славы. Затем наступили сумрачные дни, когда у Луи закружилась голова от успехов. После ряда нарушений супружеской верности и других оскорбительных выходок баловня судьбы, ей пришлось на долгое время оставить знаменитого мужа. Все же она дождалась дня, когда возгордившийся артист вернулся к ней раскаявшись в своем поведении. Значит, любит. Все старое было забыто, и примирившиеся супруги зажили новой жизнью мирно и счастливо.

При первых слухах о подозрительно-странном поведении Луи, наученная горьким опытом мадам Пермантье сильно обеспокоилась и расстроилась. Неужели начинается старое? Но вскоре успокоилась, не заметив ничего серьезного в невинном увлечении «своего старика». Отлично организованная ею разведка ясно осветила картину и выяснила полную чистоту отношений ее мужа к молоденькой девушке.

Расставшись с представителями городского управления, мадам Мари решила действовать энергично и немедленно. Прежде всего она забежала в церковь и на скорую руку помолилась о ниспослании мира в ее дом, а затем, как женщина активная и верящая в практику жизни, может быть, больше, чем в небесное Провидение, быстро пересекла площадь и очутилась в «главной центральной аптеке».

VI.

В ГОРОДЕ уже давно утвердилось бесспорное мнение о необычайном уме и глубоком знании жизни аптекаря господина Ледюка. «В минуту жизни трудную» многие горожане прибегали к советам мудреца и философа, несмотря на то, что он слыл чудаком и вольнодумцем и в церкви никогда не бывал.

Старый фармацевт подошел к вопросу всесторонне. Прежде всего он задал смущенной даме ряд довольно смелых вопросов, касающихся ее интимной жизни с супругом, а затем попросил изложить совершенно откровенно все обстоятельства дела.

Мадам Мари быстро оправилась от смущения и рассказала все без утайки. Она убедила господина Ледюка в том, что верность ее мужа не подлежит никакому сомнению, приведя к тому в доказательство неоспоримые факты.

Седовласый, сгорбленный старец с бледным аскетическим лицом и с проникающими в душу глазами глубокомысленно приступил к изложению своих соображений.

Господин Ледюк так резюмировал свои мысли: «Вся беда ваша, дорогая мадам Пермантье, заключается в полном отсутствии у вас с супругом настоящей семьи, вернее — потомства. Насколько я понял, своих собственных детей у вас, увы, быть не может, а всех ваших радственников и свойственников вы вконец растеряли. А между тем, вы всю жизнь мечтаете о детишках, а ваш уважаемый супруг прямо истосковался по ним — и наяву, и во сне ему чудятся эти милые «цветы нашей жизни». Ведь его чисто платоническое увлечение молоденькой барышней безусловно исходит из того огромного неизбыточного запаса отеческих чувств, выхода для которых так мучительно ищет его незаурядная

натура. Недаром вы говорите, что Лили немного напоминает вас в молодости. Господин Пермантье со всей силой цельной здоровой натуры излил свое нежное отцовское чувство на случайно попавшую ему на пути скромную милую девушку. Наше грубое, необразованное и нечуткое общество, конечно, поняло его жест-поведение, как и надо было ожидать, — по своему... Получился громкий скандал на весь город. Ваш долг и вместе с тем смысл вашей жизни, и даже — семейное счастье (я это подчеркиваю), заключается теперь в том, уважаемая мадам Пермантье, чтобы вы, как можно скорее подменили неудачно выбранный вашим мужем «объект» и тем исправили невольно содеянный им промах».

— Так что же мне делать, господин Ледюк, если судьба не дает нам детей, о которых мы так страстно мечтаем? — горестно воскликнула довольно наивная мадам Пермантье.

— А вот что... — не задумываясь ответил ей старый мудрец — поскорее подыскать подходящего ребенка и взять к себе сироту в семью как родного, для создания благородной устремленности и возвышенной цели в своей жизни. Повертье мне, что только этого вам обоим нехватает, для полноты вашего счастья... Поговорите сейчас же немедленно на эту тему с вашим супругом. Одна только мысль о близко возможном осуществлении предложенного мною проекта должна его успокоить морально. А физическую, еще неизрасходованную силу пусть пока продолжает пробовать на заезжих циркачах-балаганщиках. Но эти вспышки отгорающего пламеня жизни вскоре потухнут — годы не замедлят сказать свое веское слово.

Заметно повеселевшая, со спокойно сияющим, но еще озабоченным лицом мадам Мари рассыпалась в комплиментах и благодарностях; она торжественно и горячо обещала сле-

довать его мудрым советам, и сейчас же поговорить со своим мужем.

— Действуйте энергично и немедленно! Будем надеяться, что Его Величество Случай поможет вам осуществить ваши благие намерения... — убежденно и веско сказал на прощание господин Ледюк, закрывая за мадам Пермантье дверь своего магазина.

VII.

ВЕРНЕМСЯ теперь в цирк «Гельдер», в котором мы оставили Луи Пермантье.

На самом почетном месте, в центральной ложе напротив оркестра, возвышалась его импозантная фигура, обращавшая на себя внимание большой головой с расплющенным носом и стертыми в лепешку ушами — характерная маска боксера. Рядом с громадным и важным Луи его скромная супруга совершенно терялась. Маленькая мадам Пермантье принуждена была даже каждый раз привставать для того, чтобы неоднократным трогательным жестом прикладывать свой надушенный носовой платок к припухшему левому глазу и разбитой губе своего мужа.

Луи Пермантье с олимпийским спокойствием принимал жесты супруги как нечто бесспорное, чувствуя себя как бы находящимся на ринге кумиром толпы, как в былые времена мировой своей славы. Восторженное преклонение шести тысяч его добрых сограждан настолько умиляло бывшего чемпиона, что в этот момент он был способен на самый великодушный поступок.Даже непосредственная близость господина мэра, занимавшего с семьей соседнюю ложу (с другой стороны находилась ложа начальника полиции) не мо-

гла затуманить светло-радужного настроения на всю жизнь отравленного славой человека.

Но вот раздался резкий свисток директора писта, и ряд прожекторов залил ярким светом арену. Хлесткие удары хлыста рассекали звучность оркестра, медною мощью своих труб захватившего все шапито — представление началось традиционным выступлением нервно дрожащих красавцев — арабской крови коней.

Мадам Мари с увлечением смотрела программу, но вместе с тем незаметно наблюдала за мужем. Она понимала, что могучая, неизрасходованная сила, может быть, слишком рано ушедшего на покой чемпиона и еще не остывшая кровь не нашли еще на сегодня ни выхода, ни полного успокоения. Короткая схватка со старшим контролером только растревожила физический зуд его кулаков, а легкая победа не удовлетворила его артистическое воображение. Помня заветы мудрого Ледюка не препятствовать Луи пробовать свою силу на чужих людях гастролирующего цирка, мадам Пермантье внимательно посматривала на своего старика, с тревогой ожидая от него с минуты на минуту какого-нибудь нового выступления.

В конце цервого отделения часть публики, узнавшая в атлете на писте случайного партнера Луи по недавнему боксу, оказала теплый прием старшему контролеру, но дружные аплодисменты по адресу чужого Томатова вскоре перешли в грандиозную овацию всего цирка своему и родному Луи. Последнему пришлось встать и театрально раскланяться на все стороны шапито.

Бывают случаи в артистической жизни, когда блистательный зритель невольно становится участником самого представления.

Во время антракта, при осмотре животных в зверинце, быв-

ший чемпион пробовал задирать рабочих, приставленных к зверям, но замученные чрезмерной работой, усталые, никогда не высыпавшиеся, чехи*) оставались глухи и немы на все «вызовы» непонятого ими зрители.

Антракт прошел без происшествий — приближавшееся к концу второе отделение проходило также спокойно.

Спикер поблагодарил уважаемую публику за посещение цирка, выразив уверенность, что первоклассная программа вполне удовлетворила ее изысканный вкус, и объявил последний аттракцион, на котором кончался спектакль: «знаменитые на весь мир каскадеры «Семирамидис с сыновьями»!...

Под подмывающе бодрящие звуки галопа, на арену выскочили четыре партерных акробата: отец и три сына.

Папаша Семирамидис был одет «штатским» рыжим простаком-вахлаком, а его молодцы-сыновья красовались почти обнаженными стройными, как бы налитыми, телами.

Луи Перментье сразу узнал в младшем из братьев того контролера, который так задел его самолюбие знаменитости, отведя ему место в одной из второстепенных боковых лож. Бывший чемпион посчитал тогда ниже своего достоинства связываться с «молокососом» и потребовал для объяснения кого-нибудь посолиднее, например, — старшего контролера, с которым и «объяснился» по-своему, как полагается боксеру его ранга.

Теперь же чемпиона в отставке охватило неудержимо-дерзкое желание, придравшись к младшему Семирамидису, вызвать на бой весь их, выдающейся силы, экип — всех

---

*) До последней войны во всех шапито главную массу цирковых рабочих составляли чехи, за которыми шли немцы.

четырех акробатов. Вот когда он покажет и мэру, и другим недругам, критикующим его, «старика», и всему ставшему ему родным городу, кто такой Луи Пермантье.Он всем докажет на деле, воочию, сейчас же и раз навсегда, на арене знаменитого цирка «Гельдер». что он еще не старик, а по сегодня — первый в мире непобедимый боксер.

Боясь упустить такой исключительный случай, Луи Пермантье не раз срывался с места, чтобы замахнуться на «мальчишку» (с которого и начать), когда тот по ходу действия оказывался особенно близко к занимаемой супругами ложе. Но всякий раз прекрасно тренированный юноша ловко увиливал от удара, срывая дружные аплодисменты довольной толпы.

Накенец, все четыре акробата, закончив свое выступление, оказались стоящими почти в ряд совсем близко перед почетными ложами. Заученными раз навсегда «грациозными» поклонами они благодарили публику за аплодисменты.

Окруженный сыновьями, счастливый и сияющий маститый артист папаша Семирамидис вплотную приблизился к центральной ложе, и отвесил низкий поклон стоящему во весь рост и аплодирующему акробатам почетному гостю.

В этот момент произошло нечто ужасное.

В мгновение ока перескочив барьер и очутившись на писте, неожиданным страшным ударом Луи Пермантье замертво положил старика. Три сына последнего с жгучим остервенением немедленно набросились на вероломно-дерзкого человека. Начавшая было расходиться публика поспешила возвратиться на оставленные ею места. Оркестр, как полагается, во всех таких случаях, не остановился и продолжал играть свой последний «разгоняющий» марш.

В своем страстном порыве немедленной мести хищными коршунами налетали и острыми стрелами впивались моло-

дые атлеты в геркулесовское тело Луи. Но чемпион в отставке не забыл еще прекрасно усвоенную когда-то систему защиты. Он легко и спокойно отбивал все удары нападающих, по очереди выводя их на некоторое время из строя. Тогда старший брат прервал борьбу на мгновение и, что-то сообразив, сейчас же повел дело иначе. Он стал посредине напротив противника, а братьям приказал одновременно нападать с двух сторон на боксера. Благодаря такой системе атаки, ему удалось нанести несколько сокрушительных ударов Луи, сразу выбивших последнего из сил и поколебавших его самоуверенность. Еще один хороший удар в подбородок и «Геркулес» зашатался.

Как потревоженная наседка,мадам Мари закудахтала, заметавшись вокруг своего мужа.

— Довольно! — раздался хриплый, но зычный голос господина Макса фон Гельдера. Находясь в некотором отдалении от состязавшихся и не спуская с них глаз, он внимательно наблюдал за всеми перипетиями матча. Пользуясь властью хозяина цирка, ничем не уступающей ни капитану парохода, ни командиру полка, находящемуся в обстановке горячего боя, всемогущий Макс фон Гельдер немедленно остановил разгоревшийся бой. Это было сделано во-время и в точно учтенную минуту, выбранную им по своим основательным соображениям.

«Выступления» бывшего чемпиона были очень приятны директору цирка. Ведь это — реклама, да еще какая и к тому же совершенно бесплатная. Завтра обе местные газеты (правая и левая) почти полностью будут заполнены описанием событий в цирке и соседний департамент, лежащий на пути следования шапито, с нетерпением будет ждать его появления и объявленных уже там представлений.

Директор остановил состязание как раз в тот момент,

когда заметил склоняющийся на сторону молодых Семирамидисов перевес в их борьбе с чемпионом, могущий перейти в поражение местного кумира и мировой знаменитости, а этого нельзя было никак допустить, ибо в таком случае сильно пострадало бы самолюбие не только жителей города, но и населения всего департамента.

Макс фон Гельдер моментально все это учел и, подскочив к Пермантье, высоко поднял его правую руку. Публика восторженно заревела, громкими криками приветствуя объявленного победителя.

Братья Семирамидис, отомстив (насколько было возможно) за своего так неожиданно и невинно пострадавшего отца, поспешили к нему за кулисы, куда его отнесли «униформы» *).

Поверженный старик, над которым хлопотали коллеги-артисты, обдавая его холодной водой, медленно и с трудом приходил в сознание. Свалившийся рыжий парик открыл его лысую голову с клочками седых волос и многочисленными шрамами былых «аксиданов». Стекавшая с головы вода и тонкая струйка сукровицы, сочившаяся из толстого красного носа смешали в грязные пятна густо положенные на лицо румяна-белила. Полуоткрытый рот, из которого стекала слюна, усиливал и без того уже бесконечно жалкий вид открывшего, наконец, глаза старого циркача.

Напиравший сзади чемпион в отставке бесцеремонно оттеснил сыновей Семирамидиса. Он подхватил их отца — небольшого сухопарого старика — легко как ребенка, на могучие руки и с искренним чувством поцеловал его в мокро-слюнявые губы. После такого сильно подкупающего жеста, Луи Пермантье обратился к окружавшим его циркачам

---

*) Одетые в одинаковые мундиры служители писта.

с краткой путаной речью, которую закончил приглашением всей труппы к себе в гости, в свой собственный ресторан. Затем высоко подняв пострадавшего ради искусства, только что пришедшего в себя и сразу повеселевшего Семирамидиса, чемпион в отставке торжественно понес его к своему новенькому «кадияку». Вслед за ним быстрым шариком покатилась взволнованная мадам Пермантье.

Несколько политейских с суетливой готовностью бросились расчищать дорогу от наседавших со всех сторон любопытно-назойливых граждан.

VIII.

Большой ресторан „Chez Louis" не мог вместить всех желающих попасть в него посетителей, настолько велик был среди зрителей интерес к продолжению событий, начавшихся в цирке.

Небольшая часть публики, в которую попали лишь избранные счастливцы, заполнила его до отказа; она тесным кольцом окружала Семирамидиса с сыновьями и других циркачей от «Гельдера»; другие же «лучшие клиенты» Луи прижимались к стеклянной террасе кафе, с любопытством заглядывая внутрь помещения. Что же касается клиентов попроще, то эта масса людей беспорядочной толпой занимала весь тротуар вдоль террасы, не имея никакой надежды попасть в ресторан.

Величественно возвышаясь над стойкой наподобие самодержавного капитана на рубке, герой сегодняшнего дня Луи Пермантье торжественно объявил всем гостям-посетителям свое „tournée générale".

Из-под ловких рук мадам Пермантье методично выскакивали аккуратно нарезанные кусочки колбасы и ломтики вет-

чины, быстро ложившиеся затем между двумя кусками белого хлеба.

Попавшие в кафе счастливчики с аппетитом закусывали и вместе с «сандвичами» с видимым удовольствием «пережевывали» сенсационные события дня.

Папаша Семирамидис по случаю пережитых эмоций в виде исключения разрешил себе вторую рюмочку коньяка, но сыновьям строго приказал, после первого стакана вина перейти на минеральную воду. (Таков режим настоящих цирковых акробатов).

Поговорив немного о том, о сем, о цирковых и других спортивных делах и отпустив полагающееся количество комплиментов гостеприимному хозяину-«победителю» побежденный «Семирамидис с сыновьями» начал прощаться. Он не мог продолжить свой визит и объяснил уговаривавшему его остаться Луи причину своей спешки.

— Может быть, вы уже слышали об этом ужасном несчастном случае, происшедшем в нашем цирке в ту пору, когда он выступал в Ницце на пляже. Двое русских акробатов (муж и жена), работавших под фамилией «Стевенсон», разбились на смерть, сорвавшись с трапеции из-под купола цирка. Как и почему это произошло, остается и по сей день загадкой и тайной. Свернутый кольцом канат, на котором по ходу номера муж сбрасывал жену, раскачиваясь сам на трапеции, оказался подрезанным и вместо того, чтобы повиснуть на нем развернувшемся и остановившемся во-время в нескольких метрах над пистом, несчастная женщина, стремительно упав с огромной высоты, убилась на месте, сломав себе позвоночный хребет. Обезумевший муж, потеряв голову, не удержался на раскачавшейся с силой трапеции и также упал, по инерции пролетев до барьера, отделяющего пист от первого ряда скамеек. От страшного удара

о дерево и железо он получил сотрясение всего тела и перелом ключицы и черепа. Иван (так звали артиста) скончался в страшных мучениях, оставив после себя круглым сиротой маленького сына Мишеля. Вот как печально закончили свою карьеру и жизнь эти первоклассные акробаты, проработавшие у нас в цирке совсем недолгое время. Стевенсоны были ангажированы господином Максом фон Гельдером в Марселе, сейчас же по прибытии их туда, проделавши большой путь из Шанхая. Это был их первый и, увы, последний ангажемент во Франции. По сегодняшний день у меня в ушах стоит душераздирающий вопль несчастного товарища. «Надюша!», кричал он, падая вслед за женой на арену... Я сам держал вспомогательный канат во время их номера на случай несчастья. (Иван очень мне доверял и всегда просил об этой товарищеской услуге), но, видит Бог, — при всем желании, я ничего не мог сделать для их спасения»...

Так закончил со слезами на глазах свой грустный рассказ папаша Семирамидис, смешно произнося на французском языке с итальянским акцентом русское слово «Надюша».

— А как же сиротка? — с чрезвычайным волнением спросил Луи Пермантье.

— А он живет теперь у нас в цирке. Я взял мальчика под свое покровительство, да знаете, трудно мне с ним управиться. В вагоне у нас неуютно и тесно и, кроме того, все мы — мужчины — люди не приспособленные к обращению с детьми, а ребенку нужен настоящий уход и женская ласка. Вот и сейчас бедняжка остался один без присмотра, почему я и тороплюсь вернуться в наш «салон» на колесах. Не знаю. что мне с ним делать?

— Отдайте его в русскую колонию, раз его родители русские. — предложил один из местных жителей.

— Да я так и думаю поступить. — ответил ему Семирамидис. — У нас в цирке есть десятка полтора русских рабочих, все они ребята хорошие, но холостые и... совсем несерьезные: почти все забулдыги и пьяницы. Они и дали мне адрес русского Эмигрантского Офиса в Париже, куда я сейчас же и написал. Ждем ответа... А пока наш «бульдог» (так циркачи называли за глаза хозяина цирка) не дает мне покоя, все торопится — в каждом городе грозит отдать сиротку в „Assistance Publique".А жалко, уж больно хорош хлопец...

Луи Пермантье, с сосредоточенным вниманием слушавший рассказ Семирамидиса, многозначительно переглянулся с женой.

— Едем! Сейчас же едем в цирк!... — с большим волнением громко воскликнул он и, схватив в охапку старого акробата, потащил его к выходу.

Мадам Мари, наспех отдавши распоряжения гарсонам и своей заместительнице у кассы, поспешила за мужем.

IX.

Супруги Пермантье наклонились над небольшой кроватью, находящейся в углу циркового вагона. Маленькая лампочка тускло освещала с потолка спящего в кроватке ребенка.

— Хороший мальчишка!

— Настоящий ангелочек!

Эти невольные возгласы мужа и жены, произнесенные один за другим (почти одновременно), определили в этот же самый момент судьбу осиротевшего трехлетнего русского эмигранта Михаила Ивановича Своехотова, родивше-

гося в Иркутске, прибывшего из Шанхая в Марсель и потерявшего родителей в Ницце.

Облик спящего Миши был прекрасен своей чистой невинной красотой. Белокурые, слегка вьющиеся волосы беспорядочно ложились на лоб; круглые щеки младенца розовели здоровым румянцем; за закрытыми веками можно было предположить пару сияющих голубых звездочек, долженствующих при пробуждении осветить и украсить без того прекрасное, открытое, чисто русское лицо.

Папаша Семирамидис, горделиво посматривая на супругов, осторожно пододвинул кровать поближе к свету на середину вагона.

Ребенок проснулся.

Дети не умеют отдавать себе отчет в происходящем. Затуманенное страхом сознание ребенка могло проявиться только в одном: испугавшись незнакомых людей, маленький Миша заплакал.

Мадам Мари заволновалась и взяла ребенка на руки.

Мальчик смутно чувствовал, что происходит что-то очень важное. Он не понимал того, о чем деловито говорил Семирамидис с незнакомыми ночными пришельцами, но инстинктивно сознавал, что этот человек, успевший сделаться для него дорогим и любимым, становится почему-то в данный момент ему неприятно чужим.

Мышление детей лишено четкости и то непонятное им чувство, которое взрослые называют негодованием, порождает в детской душе лишь смутную горечь.

Миша продолжал заливаться слезами под влиянием только этой обиды, ибо страха перед новыми людьми у него уже не было — он успел его побороть.

Но ребенок одарен способностью быстро изживать до конца свои ощущения.

Из сознания Миши скоро ушли беглые, быстро удаляющиеся, очертания сущности горестного явления. Новое чувство — доверие и любовь к хорошей, с материнской душой женщине, взявшей его на руки и прижимавшей к своему сердцу, поглотило все остальные туманные ощущения души.

Миша заметно стал успокаиваться, перестал плакать и хныкать и под неизъяснимо приятные покоряющие ласки доброй «тети» вскоре забылся безмятежным сном у нее на коленях.

Мадам Мари некоторое время прислушивалась к равномерному дыханию сиротки, затем осторожно положила своего ангелочка в кроватку и нежно поцеловала его в пухлые влажные губы.

X.

ПРОШЛО несколько лет после описанных событий. Цирк «Гельдер» снова гастролировал в городе Н. Ресторан „Chez Louis" теперь назывался иначе: „Chez Louis et fils".

Смерть артиста

ИХ БЫЛО три неразлучных друга — артиста. Все трое были крупного телосложения, высокого роста, здоровые, жизнерадостные и молодые. Старшему из них было всего семьдесят лет, среднему шестьдесят пять, а младший едва достиг полувека. (Как известно слоны живут до стапятидесяти лет, а иногда и больше).

Меньшего из артистического трио «молодчика» звали Корсо, нрав у него был добрый и характер покладистый. К тому же он был очень умным слоном и весьма талантливым артистом.

В том замечательном цирковом номере, который пользовался мировой славой, Корсо играл гравную роль, а именно — роль парикмахера.

Скетч, как принято теперь называть небольшие сцены, комедии и пантомимы, разыгривался таким образом.

Первым выходил на арену одетый в белый парикмахерский халат Корсо. В ожидании клиентов он меланхолично проверял своим длинным хоботом разложенные на писте инструменты — приборы, необходимые в работе каждого брадобрея. Через некоторое время, не спеша и вразвалку, вваливался на арену солидный клиент, желающий привести себя в порядок и побриться. Он, не торопясь и с сознанием собственного достоинства, грузно усаживался в широчайшее

кресло. Эту роль играл второй друг нашей тройки, средний по возрасту слон Зимбо, также артист не лишенный таланта.

Один из второстепенных клоунов (не дающий самостоятельного номера) Auguste de Soirée, а по-русски просто «Рыжий», или «тот, кто получает пощечины», напяливал на Зимбо свежую салфетку, соответствующую своими размерами богатырской груди почтенного клиента. Вслед за этим Рыжий подавал парикмахеру густо намыленную щетку-помазок, которую Корсо ловко хватал своим хоботом. Он немедленно и весело приступал к работе. От его усердия сначала хобот Зимбо, а вскоре и вся голова его с огромными ушами-лопухами быстро покрывалась густой мыльной пеной. Даже широко раскрытые немигающие глаза его совершенно залеплялись белой пеленой и самое чувствительное нежное место его тела — кончик хобота неприятно раздражало попадавшее туда мыло. Это обстоятельство заставляло Зимбо напрягать всю силу своей воли, чтобы бороться с трудно преодолимым желанием резким трубным ревом громогласно выразить протест своему другу Корсо, так сильно переигрывавшему роль брадобрея. Но публике, обычно до отказа наполнявшей шапито, как раз такая игра была очень по вкусу — она ревела от восторга, давая тем полное артистическое удовлетворение исполнителям скетча. К тому же Зимбо был вполне воспитанным слоном и очень дисциплинированным артистом — он добросовестно выполнял свою твердо заученную неблагодарную роль.

Продолжая игру. Корсо успевал уже переменить намыленную щетку на огромных размеров старой системы «опасную» бритву. С удивительной ловкостью он брил-скоблил своего друга, быстро освобождая его от комьев белоснож-

ного покрова. Но опять сильно входя в роль и чрезмерно увлекаясь ею, он как бы невзначай с недюжиной силой хватал бритвой плашмя, как огромной доской, по черепу бедного клиента. Деревянный треск от ударов звонко отзывался по всему шапито под несмолкаемый хохот многочисленной толпы. А Зимбо сидел в своем кресле безмятежно-спокойно, как будто даже совсем не замечая оглушительных ударов, наносимых ему по башке.

На этом кончались наибольшие неприятности артиста-слона в роли «того, кто получает пощечины». Положение на время менялось.

По ходу действия теперь приближался самый приятный для Зимбо момент пантомимы, которого он ждал с замиранием сердца.

Корсо подходил к большой бочке, из которой хоботом набирал в себя изрядную порцию воды. Затем он окатывал своего приятеля с головы до ног сильной струей как из шланга, отчего походил в данный момент больше на пожарного, заливающего разгулявшийся огонь, чем на парикмахера «наводящего красоту» на клиента. Мыльная пена начисто смывалась и струйки воды медленно стекали по шершавой коже слона.

За эту минуту блаженства, которое испытывал Зимбо, принимая благодатный, чудно освежающий душ, он охотно прощал как судьбе, так и Корсо все неприятности, связанные с исполнением его роли: и противное мыло, залезавшее в глаза и неудобную позу в обременяющем его кресле, от которой затекала задняя часть тела, а в ногах появлялась какая-то дрожь и томление.

Но скетч на этом еще не кончался, хотя и приближался к концу.

«Того, кто получает пощечины», ожидало еще одно испытание.

Обтерев клиента чистым полотенцем, Корсо разворачивал во всю ширь свою грудь и дул в гигантский пульверизатор с такой силой, что клиент, будучи от рождения темно-серого цвета, в один миг становился белым как снег. Зимбо сидел как в тумане среди поднимавшихся над ним облаков сильно надушенной пудры. Эта последняя раздражала его чувствительный «нос» и вызвала что-то похожее на чиханье — недовольное сопеньс и хриплые вздохи.

Постаравшись на совесть и не поскупившись на пудру, парикмахер на этом эффекте кончал работу-бритье. Ему оставалось теперь получить гонорар от клиента. Но последний не спешил с платежом.

— Господин! Потрудитесь заплатить! — несколько раз понапрасну кричал в самое ухо клиенту, поясняющий короткими репликами игру артистов и ведущий сценарий комедии Рыжий.

— Ах так... Вы не желаете платить? Отлично. В таком случае я обращусь в комиссариат.

— Полиция! — кричал Рыжий, поворачиваясь в сторону кулис.

Оттуда выходил третий комедиант нашего артистического трио Тумбас. На его голову была надета форменная фуражка французского полицейского, а на боку болтался огромный пистолет. Принимая во внимание внушительную шеститонную фигуру городового (из троих артистов этот семидесятилетний молодец был самым крупным слоном). Тумбас производил своим видом неотразимое впечатление — он выглядел настоящим представителем власти. Блюститель порядка подходил вплотную к Зимбо и ловко хва-

тая его за «нос» (конечно при помощи своего собственного хобота), тащил упирающегося правонарушителя в полицейский участок.

Все три артиста под гром аплодисментов восторженной публики медленно удалялись за кулисы.

Так проходил мировой аттракцион и лучший номер-гвоздь программы цирка Азнара — изумительный скетч «В парикмахерской», исполняемый знаменитыми артистами-слонами: Корсо, Зимбо и Тумбас.

* * *

УЖЕ спозаранку над городом взвился, резвясь и играя под куполом ясного неба, небольшой, но прелестный как залетная птица самолет, на серебристых крыльях которого поднявшие головы жители легко могли прочитать слово «Азнар».

Урча своим мягким как будто матовым звуком сирены, он падал-бросался с большой высоты над главной улицей города. Предельно снижаясь и бравируя этим, посланчик Азнара засыпал разноцветной бумагой любопытную публику, с интересом наблюдавшую акробатические упражнения стальной птицы.

Падающие с неба бумажки-летучки извещали о том, что прибывает в город только на один день знаменитый интернациональный цирк Азнар, дающий сегодня два представления по программе никем еще не превзойденных номеров.

Приезд такого цирка для всякого провинциального города является большим событием. Дирекция Азнара хорошо это знала. По законам, неизвестно кем и когда установленным, ей точно было известно, какая часть населения горо-

да должна сегодня два раза заполнить ее пространное шапито. Но дирекция также отлично знала о том, что «под лежачий камень вода не течет». По-этому с полной энергией и знанием дела, стараясь всегда и везде сильно подогревать (по возможности до точки кипения) воображение публики — дирекция цирка Азнара не жалела затрат на рекламу.

***

ЦИРК имел не только собственный аэроплан с собственным летчиком, он имел также два собственных бесконечно длинных товаро-пассажирских поезда. Один за другим оба поезда прибыли на вокзал вслед за воздушным «передовым курьером». Немедленно началась их разгрузка.

Клетки-вагоны с дикими зверями доставлялись на городскую площадь, где строилось шапито, в первую очередь. Делалось это для того, чтобы палатка-зверинец заполнилась всевозможным зверьем как можно скорее и публика могла бы уже с утра обозревать ее обитателей. Вслед за дикими зверями выгружалась и другая группа животных, также отправлявшихся на площадь в зверинец. Эта категория мирных зверей, состоящая из лошадей, верблюдов, слонов и других безопасных животных, имеет большую привилегию в отличие от «дикарей», сидящих всегда под замком, передвигаться с вокзала в город по образу пешего хождения.

И вот веселая, разношерстная ватага, состоящая из сотни с лишним «цивилизованных» зверей и нескольких десятков укротителей и вожатых, двинулась гурьбой к месту своего назначения.

***

Во главе колонны шел многочисленный отряд кавалерии, не привлекавший особенного внимания прохожих, и возбужденно-счастливых мальчишек, веселыми стайками облеплявших процессию на всем ее пути.

За лошадьми двигались-качались, действительно как бы плывя по воде, «корабли пустыни» — послушные и скромные верблюды, а за ними шествовали и другие экзотические животные.

Небольшие обезьяны (орангутангов не выпускали из клеток) кривлялись и гримасничали, вертясь на цепочке подле вожатых или сидя у них на плечах. Все эти редкие звери вызывали заслуженный интерес у глазевщей на них публики, но они не могли соперничать в успехе с настоящими ведеттами зверинца, великолепными тремя экземплярами царственной расы слонов.

По какому-то человеческому недоразумению лев испокон веков считается парем зверей. По справедливому же суждению, не подлежащему никакому сомнению, среди всех диких животных только один слон должен считаться по неоспоримому праву настоящим царем зверей. Нет ни одного животного в природе, котоrое могло бы поспорить со слоном. Даже потрясающей силы, исключительно упрямый и смелый зверь, свирепый носорог, и тот уступает дорогу великану слону при встрече с ним в джунглях. А прославленный «царь зверей» вообще редко когда принимает бой со слоном. Наподобие трусливой собаки, лев всячески избегает встречи с подобным броненосному танку слоном. могущим сокрушить в пух и прах все, что встретится на его пути, если этого захочет.

Конечно, сегодня, как всегда, наибольший успех и внимание со стороны публики выпали на долю замыкавших

колонну пешеходных зверей наших неразлучных друзей: Корсо, Зимбо и Тумбаса. Они шли не торопясь, мерно ступая своим спокойным уверенным шагом, как и подобает настоящим ведеттам знаменитого цирка Азнар. В качестве первого артиста, Корсо выдвигался немного вперед, оставляя чуть-чуть позади своих друзей и партнеров. Он свободно следовал за своим четвертым другом — дрессировщиком без всякого понукания и принуждения со стороны последнего, ибо полное доверие и бесконечная любовь к человеку прочно вошли в сознание молодого слона с того момента, когда он поступил в распоряжение своего строгого повелителя-укротителя и бесконечно доброго друга-учителя. Корсо нередко, хотя и с трудом уже, вспоминал тот далекий день, когда владелец цирка Азнар выбрал себе его из целого табуна слонов в гамбургском зоологическом парке и купил его вместе с другими двумя приятелями у знаменитого старика Гагенбека*).

В этот же день три слона поступили в полное распоряжение и учебу к приехавшему из далеких стран востока, большому специалисту и знатоку зверей Качураме, приглашенному на службу в цирк укротителем.

За несколько лет упорного труда этим замечательным дрессировщиком был создан для цирка Азнар исключительно ценный и редкий номер программы (описанный выше), вызывающий жгучую зависть всех других цирковых директоров-конкурентов Азнара.

Трудно сказать, какой язык Качурамы был его материнским языком. Он понимал немного по-английски, больше — по-итальянски и испански, и совсем мало по-французски.

---

*) Гагенбек — основатель и владелец колоссального зоологического парка питомника в Гамбурге, поставляющего на весь мир экзотических диких животных.

Говорил же — на каком-то оригинальном воляпюке, состоявшем из беспорядочной смеси слов и выражений всевозможных языков и наречий. Нужно было быть настоящим циркачем, чтобы понимать разговорную речь этого метиса или мулата, или... загадочного происхождения чудесного «кентавра».

Действительно, в облике Качурамы было много общего с этим мифологическим существом. Почти правильные черты удивительно привлекательного лица гармонически сочетались с толстыми негритянскими губами, а шелковистые черные волосы, зачесанные назад, открывали красивый лоб европейского ученого. Большие, неподвижные, всегда вдохновенно устремленные куда-то вдаль черные глаза и непомерно длинные обезьяньи руки, находящиеся вечно в движении. До пояса — туловище хорошо развитого нормального человека и низко поставленная, непомерно широкая задняя часть тела с небольшими толстыми, кривыми, необычайной крепости ногами.

Укротитель Качурама поистине выглядел замечательным кентавром — редкостным экземпляром диковинного человека, составленного из элементов зверя, стойла и цирка. Когда он входил в палатку-зверинец, его захватывал и как бы опьянял на мгновенье родной ему резкий и терпкий запах, исходящий от клеток диких зверей. Вдыхая этот «аромат», он начинал сильнее чувствовать свое родство с обитателями зверинца. Насколько трудно было ему объясняться с людьми, настолько легко и быстро понимали его животные. Когда он работал с тиграми, он, мягко ступая, шел крадучись по арене. Когда же шел впереди своих питомцев слонов (как сегодня), ведя их с вокзала на площадь, его поступь-походка удивительно сочеталась с массивным движением зверей-великанов.

**
*

СВЕЖИЙ воздух приближающейся осени в соединении с еще жаркими лучами октябрьского солнца благотворно действовал на людей и животных. В такие дни кровь течет в жилах быстрее и все живущее на земле острее переживает радость бытия.

Караван повернул на бульвар, густо обсаженный высокими деревьями.

С большим озорством, не совсем подходящим к их солидному виду и весу, слоны совсем по-детски резвились-играли, проходя по широкому тенистому бульвару. Они срывали с деревьев не первой уже свежести листья, которые как видно пришлись им по вкусу. Стараясь достать до самой макушки платана, они сильно тянулись своими длинными носами-хоботами, чтобы ловко схватить на ходу свежий листочек.

А то вдруг пугали мальчишек, делая вид, что хотят схватить хоботом какого-нибудь смельчака, слишком близко-фамильярно подошедшего к ним. Особенно отличался в этих шутках-проказах Корсо, изловчившийся даже выхватить из рук зазевавшегося молодого зрителя кусок хлеба с вареньем. Похищенный «десерт» немедленно исчез в слоновой пасти к великой потехе довольной толпы. Захныкавший было от неожиданной обиды мальчишка быстро успокоился, сделавшись на весь город героем сегодняшнего дня.

Но вот пришел и конец приятной прогулке. Передовой отряд кавалерии остановился у входа в палатку-зверинец. пропуская туда главных ведетт — затоптавшихся на месте слонов.

Казалось ничто не могло предвещать близкого трагичес-

кого конца, предрешенного уже неумолимой судьбой нашему милому, симпатичному и высокоталантливому Корсо, когда он весело и спокойно занял свое почетное место в зверинце.

**
*

НАЧАЛАСЬ эта драма так.

Уже во время кормления зверей у Корсо обнаружилось отсутствие обычно для него прекрасного аппетита. Занемогший слон застенчиво пожаловался встревоженному Качураме на языке, только им двум понятном, на приступы сильной боли в желудке. Укротитель немедленно принял соответствующие меры и почти не отходил от своего первого артиста до самого «матине»*).

Скетч «В парикмахерской» проходил последним номером первого отделения программы.

С самого начала игры ясно было, что Корсо заболел не на шутку, не получив облегчения от «домашних» лекарств и лечения.

С большим трудом ему удалось едва наполовину намылить клиента. Когда же дело дошло до бритья, он вдруг зашатался, опустил безвольно замотавшийся хобот и выронил бритву на землю.

Качурама наблюдал, как обычно, прохождение своего номера, находясь на краю писта, не принимая непосредственного участия в исполнении. Напрасно он старался короткими словами и жестами поощрять и приободрить своего первого артиста. Корсо оставался безучастным ко всем понуканиям укротителя.

Номер пришлось прекратить на половине действия из-за болезни главного исполнителя.

---

*) Послеобеденное дневное представление.

Немедленно зазвонили телефоны и полетели в разные стороны телеграммы. Испуганная дирекция забила тревогу. Она взывала о помощи и в спешном порядке приглашала в цирк знаменитых ветеринаров-специалистов по внутренним болезням диких зверей.

**
*

ПО ОКОНЧАНИИ «матине» Качурама задержался в хозяйском вагоне, где горячо обсуждалось неожиданное и загодочное заболевание слона. Но для дрессировщика проведевшего всю свою молодость в джунглях и отлично изучившего природу своих младших братьев животных, не могло быть в этом вопросе загадки. Он не сомневался в том, что это — не случайное заболевание, а заранее задуманное и хорошо подготовленное преступление: Корсо отравлен страшным, сильным и беспощадно действующим ядом.

Вернувшись в свой вагон, укротитель застал там одного из помощников, доложившего шефу о том, что Корсо совсем уже плохо: он сильно страдает от болей в желудке. мечется во все стороны, не находя себе места и стремительно рвется куда-то, желая во что бы то ни стало выйти из стойла. Качурама приказал немедленно спустить с символической цепочки и отпустить на свободу несчастного зверя.

Выйдя из палатки-зверинца, неверными шагами и шатаясь как пьяный, Корсо все же нашел в себе достаточно силы, чтобы сразу взять направление на вагон Качурамы.

Говорят (и немало писалось) о том, что в Индии слоны перед смертью часто пускаются в довольно большие путешествия, чтобы во время добраться до известного им «кладбища слонов» и там закончить свои дни. Здесь, на

чужбине, в зверинце бродячего цирка, у Корсо проснулся инстинкт, унаследованный от тысячи предков и вызвавший в нем страстное желание умереть также на своем кладбище у вагона и у ног обожаемого им человека.

Тяжко дыша и шатаясь, с хриплым трубным звуком осевшего голоса, грузно свалился умирающий слон у подножья сходен-крылечек, приставленных к вагону Качурамы. В этом последнем вопле предсмертной тоски, Корсо хотел выразить все, что накопилось давно в его признательном сердце: и безграничную преданность другу-человеку и беспредельную любовь и благодарность ему за все жизненные блага, так щедро раздаваемые им за все долгие годы их совместной работы и славы. Горечь предстоящей разлуки, страх перед близкой уже смертью и последний прощальный привет.

Лихорадочный жар и страшные боли во всем уже теле туманили смутные картины-видения прекрасной далекой страны, где Корсо родился и провел свое раннее детство. Сквозь мерцающую даль, ему чудились вершины синеватых холмов, куда он когда-то так легко поднимался, а за ними — безбрежное море одетых туманом серо-зеленых лесов, а дальше, совсем далеко, как будто уже по ту сторону мира — сверкающая сталь прохладных, кристально-прозрачных водных пространств...

Лежа на боку с неимоверно раздутым, как гора, животом, агонизирующий зверь дышал со страшным шумом и свистом наподобие локомотива, набирающего пары перед трудным подъемом.

Собрав последние силы, он поднял на мгновение голову и вялым, безжизненным хоботом потянулся к сидящему на ступеньках крылечка укротителю. Качурама подхватил обеими руками затрепетавший вдруг хобот и положил

его к себе на колени. С этой минуты он не выпускал из рук и с любовью ласкал без конца эту нежную оконечность тела слона до последнего мгновения его жизни.

Как мраморное изваяние Будды, странно неподвижным и на первый взгляд как будто нарочито бесстрастным казалось каменно-спокойное лицо Качурамы. Но в действительности этот сфинкс-человек, с людским самообладанием и звериным инстинктом, уйдя совершенно в себя, молчаливо и тяжко, глубоко по-мужски переживал свое страшное горе. По застывшему лицу его беспрерывно лились невольные слезы. «Зеркала души» — глаза Качурамы широко раскрытые и устремленные в небо, сверкая своим изумительным блеском молитвенного экстаза, потрясающе ясно отражали всю глубину его страданий и беспредельной тоски...

Как локомотив, закончив назначенный путь, выпускает понемногу пары, так и Корсо все реже и тише вздыхал, замирая всем телом и все слабее вздымал и опускал свой страшный распухший живот.

Жизненный путь зверя приближался к концу.

Качурама припал к его хоботу и прикоснулся губами к самому нежному и чувствительному месту холодеющего тела своего любимца-питомца и младшего брата. Корсо чуть-чуть содрогнулся. Едва заметным вздохом он ответил последним «прости»...

Каждый сыщик или следователь, поставивший себе целью раскрыть преступление, должен прежде всего поставить себе вопрос: кто может быть в нем заинтересован?

Два полицейских инспектора, сидевшие уже давно (еще

до смерти Корсо) в хозяйском вагоне-салоне, задали этот вопрос не только себе, но и директору цирка.

— Конечно, только кто-нибудь из моих конкурентов, — не задумываясь сейчас же ответил хозяин.

Исходя из таких соображений, подозрение сыщиков немедленно пало на одного из помощников Качурамы по фамилии Спольдачи. Этот артист до поступления на службу к Азнару некоторое время выступал в большом интернациональном цирке «Новый Свет», недавно прибывшем в Европу из Южной Америки. Теперь, совершая поездку по Франции, вновь прибывший цирк являлся главным конкурентом и соперником «Азнара».

Корсо умер в конце вечернего представления. Сейчас же после спектакля Спольдачи был допрошен инспекторами, а в вагоне у него был произведен тщательный обыск. Эти первые шаги в поисках убийцы слона, конечно, не дали никаких результатов. Не таков был человек Спольдачи, если действительно преступником был он, чтобы дать так легко изловить, уличить и поставить себя на колени. Достаточно было бросить внимательный взгляд на колоритную фигуру помощника укротителя, чтобы убедиться в этом. Роста он был невысокого, но силы — необычайной. Всегда расстегнутая рубашка с короткими рукавами открывала широкую грудь «колесом» и налитые железные мускулы, заметно «игравшие» при каждом их малейшем движении. Все тело Спольдачи было покрыто весьма искусно исполненной татуировкой. Маслянистые темные волосы, уже тронутые серебром, густой гривой спускавшиеся почти до плеч и беспокойно бегающие, неопределенного цвета глаза на помятом неприятном, но очень, красивом лице с большим шрамом через левый глаз, создавали ему облик легендарного бандита-пирата. Животные его боялись и дрожали,

когда он входил в зверинец, а сослуживцы не любили и за глаза называли «исчадием ада».

Всем в цирке было известно, что Спольдачи жил слишком широко — не по средствам. Сопровождавшая его в «турне» прекрасная молодая женщина, типичная англичанка, слишком обременяла скромный бюджет помощника укротителя. Избалованная в прежней своей жизни красавица-леди не могла конечно, мириться с тем, что ей приходилось спать со своим возлюбленным в общем вагоне за тонкой фанерной перегородкой. Цирковая кантина ее также не удовлетворяла. Отсюда — дорого стоящие отели и такие же рестораны. Надежда на повышение жалованья окончательно отпала — дирекция была скупа и неумолима. Частые «семейные» сцены, в результате которых молодая женщина нередко ходила вся в синяках, а однажды — с подбитым глазом, подтверждали тяжелое финансовое положение помощника укротителя.

У Качурамы с его помощником отношения были довольно холодные, главным образом, из-за разных методов дрессировки животных. Дирекция ценила помощника укротителя как безукоризненного работника и опытного специалиста.

Происшедшие события, конечно, ни в коем случае не должны были нарушить обычного распорядка и жизни цирка — сейчас же по окончании спектакля шапито начало стремительно таять, быстро перемещаясь с площади на вокзал. Огромное же тело умершего слона рельефно выделялось под ярким светом цирковых прожекторов на том же самом месте, где Корсо свалился в предсмертной агонии перед вагоном Качурамы.

Прибывшим один за другим, но уже после спектакля, и следовательно — смерти слона, двум прославленным вете-

ринарам оставалось только констатировать смерть Корсо и принять участие в судебно-медицинском вскрытии его тела, назначенном на утро следующего дня.

**
*

РАНО утром цирк должен был направиться в следующий по расписанию город французской провинции. Артисты и музыканты, собравшиеся в назначенный час у циркового автокара, уговорили шофера прежде чем отправиться на вокзал, заехать на тот пустырь городского предместья, куда поздно ночью отвезли тело умершего Корсо для производства судебно-медицинского вскрытия.

Удручающе-неприятное зрелище предстало перед глазами циркачей, столпившихся на окраине города, где начиналось уже пустынное поле.

Желто-зеленая трава полянки-лужайки наподобие цветного ярко-красного ковра покрывалась останками слонового тела. Головы и скелета животного уже не было в поле — это все успели куда-то убрать — и только четыре массивные лапы слона оставались почему-то на месте производства неприятных, но необходимых, формальностей. Аккуротно отпиленные они симметрично стояли, как дозорные на часах, с четырех сторон кровавого покрова состоящего из внутренностей и мяса слона.

Это было все, что осталось от молодого, цветущего здоровьем, доброго и умного Корсо.

Подавленные потрясающим видом картины. почти все циркачи испытывали одно и то же чувство. Они поняли только теперь, после смерти Корсо, насколько он был им дорог и близок — совсем как родной человек и искренне любимый товарищ. И горечь утраты усугублялась еще тем,

что этот невинный зверь, бесподобная игра которого доставляла столько радости и незабываемых счастливых минут многим поколениям невинных детей, преждевременно умер страшной насильственной смертью. Он погиб от злой воли корыстного и продажного человека, забывшего о том, что «зверей надо любить, потому что они невинно-безгрешны»...

Но время шло и шофер протяжным гудком напомнил об этом артистам.

Все они, за исключением одного, поспешили занять свои места в цирковом автокаре. Только Рыжий, — многолетний товарищ Корсо по участию с ним в знаменитом скетче, один оставался у останков слона. Старик плакал навзрыд, как ребенок, судорожно сжимая руками свою кепку-нахлюбку. Его жалкая сгорбленная фигура, с ушедшей в приподнятые плечи седой головой, вызывала особое сочувствие в нему циркачей. Все они понимали, что Рыжий оплакивает не только смерть Корсо, но — также и свою собственную горемычную судьбу. Всем было понятно, что со смертью незаменимого Корсо, цирк лишался самого лучшего номера программы и что дирекция не замедлит уволить ненужного ей теперь несчастного старика, который предвидел уже близкий конец своей карьеры бесполезного, бездомного, одинокого, отставного паяца...

Несколько нетерпеливых коротких гудков шофера заставили клоуна смешно и вприпрыжку (как он делал это на писте) подбежать к отходившему автокару и вскочить в него на ходу.

Беспрерывно оглядывались артисты в сторону оставленного ими с таким тяжелым чувством предместья.

Красное пятно на фоне зеленой травы уже исчезло из поля их зрения, сперва обратившись в синевато-серое обла-

ко, а затем и совсем растаяв в клубящемся тумане раннего утра, а четыре столбика-тумбы долго еще маячили на отходящем в мерцающую даль горизонте пустынного поля...

**
*

ДАЛЬНЕЙШИЙ допрос предполагаемого преступника происходил в следующем по расписанию городе французской провинции. Он продолжался без перерыва целый день почти до вечернего представления. Прекрасно говоривший по-французски и по-итальянски Спольдачи неожиданно для циркачей оказался английским подданным, хотя и англичанином второго разряда — на паспорте у него значилось: англичанин с острова Мальты. Он горячо протестовал по поводу якобы незаконных действий и допроса «с пристрастием» французской полиции. Его громкие, возмущенные возгласы ясно доносились из хозяйского вагона, где происходил допрос. Как видно, все старания допрашивавших инспекторов во главе с известным парижским детективом, не увенчались успехом. Прямых улик против него не было, а кое-какие косвенные улики были недостаточны для подписания ордера об аресте английского подданного.

К тому же судебно-медицинское вскрытие и анализ внутренностей увершего Корсо не дали ожидаемых результатов. Специалисты-лаборанты, несмотря на все старания, не могли обнаружить никаких признаков и следов страшного яда в останках слона.

Подруга Спольдачи, прекрасная англичанка, также подверглась подробному допросу.

Собственный цирковой «начальник полиции», отставной инспектор Sûreté Nationale доложил дирекции, а затем

и представителям властей о том, что молодая женщина в ночь накануне заболевания слона имела тайное свидание на вокзале такого-то города с каким-то подозрительным молодым человеком. Последний, говоривший с ней (очень горячо) по-английски сунул в сумку своей собеседнице (как бы против ее желания) небольшого размера пакет.

Опрощенная англичанка предъявила сыщикам письмо от родителей, переданное ей ее родным братом, специально приезжавшим с этой целью из Англии. В переведенном на французский язык письме, родители молодой женщины в последний раз умоляли ее оставить цирк и вернуться в родительский дом.

Под вечер Спольдачи показался в дверях хозяйского салона. Он направился в свой вагон и вскоре вышел оттуда с двумя чемоданами в руках. Не проронив ни слова и даже не взглянув на обступивших его циркачей, помощник укротителя быстро зашагл по направлению к ближайшей автобусной остановке, с видом вконец измученного человека, счастливо избежавшего грозившей ему опасности.

Молодая англичанка едва поспевала за ним.

С этого момента таинственного мальтийца никто больше не видел и никто о нем ничего не слышал.

Качурама после описанных событий не долго оставался в цирке. Он вскоре оставил свою службу и уехал куда-то совсем далеко.

Конфликт

I.

Огромный интернациональный цирк расположился на главной площади довольно большого города Северной Африки.

Дела цирка шли прекрасно. Хорошо составленная программа, шумная, умная и бьющая в глаза реклама, великолепно налаженные, почти каждодневные передвижения из города в город трехсот людей, двухсот зверей и неимоверного количества материала — циркового имущества, нарочито-быстрые темпы, доведенные до предельной скорости, с которой чудесно вышколенные рабочие — специалисты ставили «шапито» на шесть тысяч зрителей — все это не могло не импонировать не только главной массе арабского населения города, страшно падкого на подобные зрелища, но и торгово-деловому меньшинству, состоящему из французов, других европейцев и всевозможных мастей левантийцев.

Как всегда, так и в этот вечер, колоритная толпа африканской публики заполнила до отказа всю площадь, плотной массой обволакивая расположение цирка.

Тысячами голосов она шумела — гудела в приподнятом, возбужденно-праздничном настроении.

Отдавая дань веку, бездушно-механическая музыка покрывала нестройный шум толпы. Установленые со всех сторон громкоговорители исступленно надрывались в передаче бездарных пазодоблей*), чередовавшихся с популярными вальсами-мюзет**).

До начала представления было еще далеко и фланирующая вокруг шапито публика имела возможность спокойно осмотреть все, что ее интересовало.

Прежде всего бросались в глаза новенькие, свеже-выкрашенные вагоны и многочисленные тракторы, непрерывным кольцом окружавшие шапито.

Собственная электрическая станция поражала изумительной чистотой ярко начищенных, блестящих, металлических частей, новейшей конструкции машин.

В строго-ритмическое ухание моторов этой станции неожиданными синкопами вдруг врывались дикие вопли обитателей огромного зверинца: злопыхательское ворчание-рычание вечно сердитых тигров и львов и резкие трубные звуки добродушных великанов-слонов.

Было что посмотреть в этой огромной четырехугольной палатке-зверинце. Как в ноевом ковчеге, было там всякой твари по паре: начиная от носорога и гиппопотама и кончая маленькими обезьянками и малюсенькими птичками цвета радуги из Южной Америки.

Выходящую из зверинца публику ожидало еще одно интересное зрелище.

---

*) Подобие испанского марша.

**) Специфически - вульгарный жанр примитивного вальса.

Залитый огнями сильнейших прожекторов, во всей своей красе стоял перед ней салон-вагон — местожительство хозяина цирка, главного директора Мориса Потакара.

Построенный по последнему слову техники, по специальному заказу Потакара, хозяйский вагон всюду являлся предметом самого восторженного восхищения очарованной им публики. На многих простодушных зевак он производил прямо какое-то потрясающее впечатление. Столь совершенное произведение техники и комфорта, как магнит, притягивало изумленных и зачарованных зрителей и они могли без конца любоваться и восхищаться потакаровским дворцом на колесах.

Ниагарский водопад (не говоря уже об египетских пирамидах), или еще какое-нибудь чудо природы, или создание человеческого гения, наверняка, произвело бы меньшее впечатление на бесхитростную африканскую толпу, чем этот красавец вагон, большая гордост Мориса Потакара — его несравненный, шикарный, и ультра-модерный салон.

Конечно, этот прекрасный объект постоянного, восторженного внимания публики всегда ставили на первом плане, перед главным входом в цирк, рядом с вагоном-кассой.

Если неодушевленный предмет и, в конце концов, только обыкновенное, хотя и прекрасное создание рук человеческих, каковым является директорский вагон, производил столь потрясающее впечатление на массу зрителей-зевак, то что же сказать о том сказочном ореоле, которым окружали в своем воображении эти наивные люди самого счастливого обладателя такого неотразимого сокровища?

Безусловно, они представляли себе Мориса Потакара каким-то необыкновенным человеком, даже — сверх-человеком, прямо — небожителем.

II.

Собственник цирка и главный директор Морис Потакар, развалившись в удобном кресле, сидел в своем шикарном салон-вагоне и смаковал любимый апперитив «Дюбоннэ» — верный признак того, что время приближалось к священному часу обеда.

Легкий ветерок, вдруг подувший в открытое окно, принес с собой чудесный, столь возбуждающий аппетит, запах какого-то очень вкусного блюда (директорская кухня стояла немного позади его салон-вагона).

— Должно быть рагу из баранины — подумал «небожитель» (это было его любимое блюдо), сладострастно раздув ноздри, и, с удовольствием потянув носом, облизнулся, как кот на сало, на воображаемую баранину, допивая свою рюмку

Привычным жестом подняв левую руку, на которой золотой «блямбой» сверкнул швейцарский хронометр, густым басом сказал сам себе «сверх-человек» — „Au boulot!"

Каждый вечер перед тем, как приступить к обеду, главный директор лично проверял и контролировал весь цирковой персонал, каковой должен был в строго определенный час быть в полной готовности к предстоящему представлению. Это был своего рода смотр. Не отступая от раз навсегда заведенного порядка, Морис Потакар и в этот вечер, как всегда, точно по часам, напустив на себя важный, начальственный вид, появился в дверях своей штаб-квартиры.

Строгим, хозяйским взором он окинул свои владения... и, вдруг, его глаза внезапно заискрились нежным блеском,

а лицо его сразу изменило свое прежнее, надменно-бесстрастное выражение — перед тремя окошечками вагона-кассы длинно змеились огромные хвосты любителей циркового искусства. Как ласковый взгляд любимой женщины, эти хвосты умилили и привели в радостное волнение довольно черствое сердце Потакара.

— Конечно, опять полный сбор... — подумал он и почувствовал себя на вершине небес.

Личный секретарь главного директора, необычайно юркий, быстроглазый, интернациональный человек (по паспорту турок), по прозванию Артур-Арташез, а по фамилии Клотц, говорящий довольно плохо, но очень развязно, на всех языках мира (даже на японском), отделился от вагона-кассы, где он поджидал уже Потакара и, быстро семеня своими короткими ножками, побежал навстречу патрону.

Потакар не заметил, или сделал вид, что не замечает своего ответственного служащего. Этот последний, наподобие самой преданной собаки юлил перед хозяином, переступая с ноги на ногу (шаг вперед, шаг назад) с весьма подобострастным и умильным выражением на своей маленькой мордочке.

Справедливость требует отметить, что этот, несимпатичный, по своей должности, персонаж, неизбежно встречающийся во всех артистических антрепризах, пользовался большой популярностью и уважением в цирке, в особенности — среди простых рабочих-иностранцев за свою постоянную готовность бескорыстно исполнить, по мере возможности, их просьбы и тем облегчить их тяжелое и довольно бесправное положение. В этой либеральной своей деятельности, господин Клотц, конечно, никогда не изме-

нял основным интересам своего патрона, лавируя между ним и циркачами с большим умением и чутьем, потому что Артур-Арташез был большим дипломатом.

Между тем, Морис Потакар продолжал стоять на верхней ступеньке небольших сходней, приставленных к его вагону. Он не спешил спускаться, потому что ему хотелось немного продлить то блаженное состояние духа, которое наступало у него всегда после выпитого апперитива, в предвкушении вкусного и сытного обеда.

— К тому же — опять полный сбор... и, вообще, все — в полном порядке, — услаждал себя такими мыслями Потакар.

Кроме того, еще одно обстоятельство усиливало это самодовольное блаженство главного директора. Как раз сегодня он получил из Парижа письмо от одного весьма влиятельного лица, в котором тот сообщал, что хлопоты о награждении Потакара орденом Почетного Легиона, наконец, увенчались успехом. Теперь уже не за горами тот приятный, душещипательный момент, когда он увидит свою фамилию в числе награжденных в «Журналь Оффисиелль» и долгожданная красная ленточка, наконец, украсит его широкую грудь.

С гордым видом победителя, неподвижно стоял Морис Потакар на крылечке, как статуя на педестале памятника, и продолжал упиваться своим блаженством. Его красивое, волевое лицо, с правильными, почти римскими чертами, большие, черные, блестящие глаза, темные, вьющиеся волосы и крупная фигура, производили неотразимое впечатление могущества и силы.

Родившись в маленьком, ничтожном зверинце, в бедной, цыганской семье, семи лет от роду он начал уже входить

в клетку с дикими зверями, работая на ярмарках со своим отцом и продолжал работать всю жизнь, не покладая рук; работал упорно, тяжко, но зато с большим успехом. Постепенно богатея, дело развивалось, росло и увеличивалось, и небольшой ярморочный балаган в конце концов превратился в огромный, первоклассный, интернациональный цирк, слава которого все росла и росла.

И вот теперь перед глазами Потакара, прямо перед ним, как символ всех его достижений и головокружительного успеха в жизни, как «триумфальная арка» — стоят высокие цирковые ворота, на которых ярким светом бесчисленных лампочек изображено: «Большой цирк Мориса Потакара».

И это он — Морис Потакар, после смерти отца, стал теперь единственным собственником и главным директором огромного предприятия.

Неважно что проживши до сорока пяти лет, он не удосужился научиться писать и даже как следует читать. Важно то, что он прекрасно управляет делом, в твердых руках держит всю труппу и самого здорового рабочего за нарушение дисциплины или какую-нибудь провинность одним ударом сбивает с ног (слава об этом страшном «потакаровском» ударе в левый глаз распространилась далеко за пределы цирка). Да, он умеет укрощать и подчинять своей воле не только диких зверей, но и самых строптивых, непокорных циркачей.

А самое главное — он очень богат и давно осознал несокрушимую силу денег, богатеет еще и будет богатеть бесконечно... Он умеет делать деньги, много денег... Он еще сделает миллионы, много миллионов...

Ублажая себя такими горделивыми мыслями и мечтами и чувствуя себя на седьмом небе, спустился, наконец, «небожител» с пьедестала своего вагона на землю и важно,

с полным сознанием своего достоинства, проследовал в цирк.

Как адъютант за командиром части, вслед за ним засеменил его личный секретарь и любимец Артур-Арташез Клотц.

III.

Старший электротехник Большого цирка Мориса Потакара венгерец Лязло Сабо давно уже сидел в маленьком бистро, находящемся как раз напротив артистического входа в шапито.

Большая стопка картонных кружочков возвышалась на столе перед кивающим носом мадьяром. Сегодня, по случаю получки, он изменил своему обычному «пинару» и перешел на короткий напиток — коньяк-зверобой.

Ввиду того, что каждый кружочек точно соответствовал выпитой рюмке этого довольно крепкого зелья (а кружочков было не мало), легко можно было себе представить сегодняшнее «настроение» Лязло Сабо. Одним словом, старший электротехник был уже порядочно пьян.

— Гарсон! с презрительной миной, как бы нехотя, процедил он сквозь зубы, сделав при этом неопределенный жест рукой.

Чумазый парень в невероятно грязном длинном переднике и в стоптанных ночных туфлях на босу ногу, быстро подкатился к клиенту и подал ему очередную порцию одуряющего напитка.

Посмотрев на рюмку пристально-внимательно, с таким видом, как будто он никогда ничего подобного не видел, мадьяр одним глотком, по-русски, опрокинул в себя желтоватую жидкость. Лицо его при этом исказилось, почему-то гримасой глубокого отвращения к столь обожаемому им напитку. А пить по-русски он научился в Иностранном ле-

гионе, прослуживши в нем некоторое время до поступления в потакаровский цирк. В те отдаленные времена (вскоре после первой мировой войны) в этой воинской части было много русских эмигрантов.

В цирке определенно-упорно говорили о том, что неспроста попал в легион старший электротехник. Пережитая им большая драма была причиной поступления его туда рядовым легионером.

Если верить этим слухам-рассказам, Лязло Сабо имел блестящее положение у себя на родине, в Буда-Пеште. После первой мировой войны, которую он закончил в чине старшего лейтенанта, он был уже известным инженером и довольно состоятельным человеком. Жена его считалась одной из самых красивых женщин венгерской столицы.

Казалось-бы — жить да поживать...

Но судьба решила иначе. Она вдруг повернула события так, что дальше произошло все, как в кинематографе: ревность, горячая мадьярская кровь, убийство неверной жены, а заодно — и ее любовника. Затем, — спешное оставление родины и спасение от суда и наказания в Иностранном легионе. Как известно, эта воинская часть не выдает преступников, успевших до ареста записаться в нее под любой, вымышленной фамилией.

— «С Дона выдачи нет!», говорили у нас в старое время. В легионе такой же закон.

Было много общего, как в этническом составе кадров (за исключением хозяина и нескольких канцеляристов, весь персонал огромного цирка составляли иностранцы, главным образом славяне и немцы, так же как и в легионе) так и в быту, нравах и традициях этих двух учрежде-

ний столь различных по своему назначению и задачам, и вместе с тем общих по духу.

Удивительно странное и вместе с тем сильное впечатление производил на всех окружающих бывший легионер, а теперь циркач, старший электротехник Лязло Сабо.

Большой рост, гордо поставленная голова, на высокий лоб которой беспорядочной волной спускаются густые, золотистокаштановые волосы, глубоко сидящие глаза цвета закаленной стали, — вот физический облик стройно-изящного венгерца.

Можно сказать — почти красавец, если бы не слишком длинные руки, покрытые густой шерстью (как и грудь), да вот еще глаза... Говорят, что глаза — зеркало души человека. Говоря с кем нибудь, мадьяр как бы избегал и стеснялся смотреть в глаза собеседнику, но когда глаза их встречались, неловко себя чувствовал говорящий с ним. Впалые глаза Лязло Сабо сверкали каким-то особым, зловещим блеском, они сверлили собеседника, гипнотизировали его и обдавали вместе с тем непонятной ненавистью и презрением. Казалось — эти стальные глаза меняли свой цвет, они внезапно темнели, становились почти черными. Это необычайное явление особенно сильно было заметно во время припадков бешеной злобы, неожиданно-стихийно, часто охватывавшей венгерца. Страшен он был в такие моменты, когда по малейшему поводу бросался с яростью неукротимого тигра в беспощадную драку с кем попало и бился до потери сознания. Почерневшие глаза его при этом сверкали звериной злобой, а красивое лицо, подергиваясь конвульсивным тиком, искажалось гримасой истерического смеха. Жутко-отталкивающее впечатление производил тогда этот человек, сотворенный по образу и подобию Божьему, но с дьявольской, страшной усмешкой на устах.

По своему положению старшего электротехника Лязло Сабо был шефом и шефом большого и весьма важного района. Он отвечал за исправность работы собственной электрической станции, освещавшей все расположение огромного шапито, а также за установку и состояние громкоговорителей и микрофонов. Эти последние были аппаратами очень деликатной конструкции и при постоянных передвижениях цирка часто портились, чем причиняли немало хлопот старшему электротехнику. Только один он мог починить и привести в порядок любой из этих аппаратов и притом — всегда во-время, к началу представления.

Бесспорно, Лязло Сабо был большим специалистом своего дела и за это пользовался огромным, вполне заслуженным уважением всего цирка, несмотря на свой буйный и надменный характер. Сам хозяин очень дорожил таким ценным мастером. Он нередко прощал ему мелкие погрешности, учиненные по пьяному делу, и даже терпел, правда скрепя сердце, с трудом пересиливая себя, вполне независимый характер и зачастую дерзко-вызывающее поведение строптивого мадьяра.

Во всяком случае, за трехлетнюю службу в цирке Лязло Сабо тяжелая рука Потакара ни разу не опустилась на его буйную голову. А это что нибудь да значит, ибо главный директор не любил особенно утруждаться и разбирать степень виновности своих «подданных». Он часто цинично высказывал свое «просвещенное» мнение по данному вопросу: «лупить их надо всех, как действительно виновных, так и без вины виноватых, чтобы не зазнавались и не вообразили о себе слишком много».

К перечисленным выше обязанностям старшего электротехника, надо добавить еще одну. — Его часто вызывали в

хозяйский вагон для починки или просто урегулирования очень дорогого, личного Т. С. Ф. Потакара. В таких случаях главный директор постоянно награждал своего «инженера» бутылкой дорогого вина из собственного погреба. Этот обычай неизменно соблюдался Потакаром, как неписаный контракт со своим служащим. С другой стороны, чудный продукт плодороднейшей Франции, немедленно и с наслаждением законченного пьяницы поглощаемый венгерцем, действовал на него не слишком сильно, но зато вполне умиротворяюще. Таким образом, эти визиты старшего электротехника в хозяйский вагон в значительной мере способствовали установлению как-бы временного перемирия между вечно враждующими сторонами в их постоянной холодной войне.

Для того, чтобы закончить перечисление многочисленных обязанностей Лязло Сабо, необходимо указать на еще одну повинность, наложенную на него Потакаром в порядке полной нагрузки работой всех циркачей. Этот принцип «полной нагрузки» неукоснительно и всегда соблюдается во всех передвижных цирках.

Старшему электротехнику вменялось в обязанность выполнять роль спикера в промежуток времени от момента приведения в действие громкоговорителей и до начала представления.

По заведенному порядку, в каждом городе местные коммерсанты доставляли в цирк различные объявления для их предпириятий, каковые и опубликовывались при посредстве громкоговорителей в известном порядке, чередуясь с дисками музыкальных пьес.

Прекрасно владея французским языком, Лязло Сабо выполнял эту работу по очереди с хозяйским секретарем Артуром. Все в цирке хорошо знали его зычный голос и от-

четливое произношение французских слов с легким венгерским акцентом.

IV.

Шум толпы и громкие окрики собственных цирковых полицейских, принужденных осаживать почтеннейшую публику, слишком сильно напиравшую на хрупкие деревянные барьеры, окружавшие расположение шапито, вывели из глубокого раздумья старшего электротехника Лязло Сабо. Подняв отяжелевшую голову, он увидел опустевшие вокруг него столики. Все сидевшие за ними, а также недавно шумевшие за стойкой циркачи были уже на своих местах. Ему самому давно уже надо было сменить на посту спикера господина Клотца.

Долголетняя привычка к дисциплине и сознание своего долга подталкивали венгерца к немедленному исполнению своих обязанностей, но какая-то другая, неодолимая сила приковывала его к стулу и мешала ему двинуться с места. Всем своим существом он чувствовал и отлично понимал, что не один коньяк-зверобой, рюмкам которого он давно уже потерял счет, был причиной этого оцепенения и странного раздвоения сознания.

Другая причина — ужасное происшествие, случившееся с ним сегодня днем в хозяйском вагоне.

Сегодня Морис Потакар, впервые за три года, решился и посягнул оскорбить действием своего ответственного служащего и большого специалиста, старшего электротехника Лязло Сабо.

V.

Вот как это произошло.

Как часто случалось и раньше, Лязло Сабо потребовали

сегодня в хозяйский вагон для приведения в порядок личного Т. С. Ф. Потакара. Осмотрев аппарат, венгерец спокойно приступил к починке такового.

Для пояснения последующих событий, необходимо тут сказать несколько предварительных слов, нескромно вторгнувшись, поневоле, в интимную область жизни главного директора.

Морис Потакар формально не был женат, но жил он отнюдь не один. Не одна, а две «жены» разделяли его «трехспальную» кровать, составлявшуюся на ночь из двух, искусно вделанных в стены вагона, пружинных матрацов. Две молодые, прекрасные женщины всюду сопровождали главного директора, разделяя с ним, как все прелести, так и все тяготы цирковой, бродячей жизни.

В момент появления старшего электротехника обе жены Потакара находились в салоне, но через некоторое время элегантные женщины, очень расфуфыренные, попрощавшись со своим мужем, вышли из вагона и направились в город. Лязло Сабо остался один со своим патроном, который вскоре стал заметно нервничать и, не скрывая своего нетерпения, в грубой форме выражать недовольство, якобы, слишком медленной работой венгерца.

Нервное состояние патрона имело, конечно, свои причины. Дело в том, что со вкусом составленный, но совсем маленький гарем не мог вполне удовлетворить ненасытный половой аппетит этого развращенного и избалованного женщинами человека. Слава о его исключительных эротических способностях перешла далеко за пределы цирка. У всех на виду были его постоянные ухаживания — приставания к молодым женщинам, главным образом, посетительницам зверинца, открытого для публики в течение всего дня. Если ему не удавалось сразу завлечь свою жерт-

ву в салон, то он назначал свидание, и любительница сильных ощущений приходила к нему туда же попозже, в назначенный час. Во всех таких случаях Морис Потакар бесцеременно отправлял своих содержанок погулять, иногда по ходу дела, предупреждая их заблаговременно. Как раз сегодня намечалось и должно было состояться подобное приключение циркового Дон-Жуана.

Лязло Сабо, увлеченный кропотливой работой, не заметил молодой визитерки, тихо вошедшей в приоткрытую дверь. Главный директор, увидя прекрасный объект его похотливых вожделений, внезапно загорелся огнем грубой, животной страсти. А в такие моменты он терпеть не мог ожидать.

— «Вон!», заорал Потакар на третьего человека, который, несомненно, в данный момент оказался совершенно лишним в вагоне. Такой тон был уже обидой для самолюбивого венгерца. Оскорбление еще усиливалось, тем, что наносилось оно в присутствии женщины, а всем было известно, насколько сильно ненавидел и презирал Лязло Сабо всех без исключения представительниц прекрасного пола.

— Чего кричите? Видите — кончаю!... в тон хозяину, также грубо произнес мадьяр, демонстративно медленно собирая свои инструменты.

Вполне понятно, что этой дерзости Морис Потакар никак не мог перенести спокойно в такой патетический момент. К тому же он ясно заметил, как застеснявшаяся вдруг провинциалка, попятилась, было, к дверям, обнаружив этим жестом намерение удрать из вагона.

Упустить жертву, уже переступившую порог его берлоги?

Нет, это было уже слишком сильным испытанием для

воспылавшего неудерживой страстью, нетерпеливого самца. У него потемнело в глазах и закружилась голова.

Сильным рывком, одной рукой отбросил он искательницу приключений в глубь вагона, а другой — нанес страшный удар в лицо мадьяра. Продолжая бить его руками и ногами, Морис Потакар в одну минуту выбросил его вон из вагона.

С треском захлопнул дверь салона вдвойне победитель, а неуспевший даже оказать сопротивления, побежденный, скатившись по ступенькам крылечка, лежал без движений в пыли.

VI.

Потрясенный душой и телом, с трудом добрался старший электротехник до ближайшего кабака и только там начал приходить в себя...

В такие моменты тяжелых душевных переживаний большинство людей испытывает неистребимую потребность поделиться своим несчастьем с каким-нибудь близким лицом.

В бистро сидело в это время довольно много циркачей, но человека, единственного, которому мог бы открыть свою душу гордый венгерец, не было в пивной, и долго томился он один со своими мрачными мыслями, заливая свое горе зверобойным коньяком.

И вот, когда Лязло Сабо, осмотревшись по сторонам, увидел совершенно опустевшее кафе, он понял, что настал момент решать вопрос — итти ли ему в цирк для исполнения своего долга или оставаться здесь и ждать неизбежного развития событий — грандиозного скандала и нового мордобития, уже по заслугам, ибо до начала представле-

ния оставалось совсем немного времени, и он уже опаздывал к спектаклю.

С тоской посмотрел старший электротехник на выход из бистро, на пороге которого вдруг появился некто в белом халате и с красным крестом на рукаве. Это и был тот человек, которого так жаждала смятенная душа венгерца. Пораженный жалким, растерзанным видом последнего, человек в халате быстро подскочил к старшему электротехнику.

— Господин Сабо, что свами? — с большим участием спросил он.

— Я заметил ваше отсутствие в цирке, и пошел искать вас. Идемте скорее, потому что осталось всего четверть часа до начала спектакля.

Но Сабо не двинулся с места и быстро, путаясь в словах и смущаясь, рассказал своему сослуживцу об ужасном происшествии с ним.

VII

Циркач, к которому обратился в столь тяжелый момент своей жизни необщительный и мрачный мадьяр, был весьма популярный и всеми любимый в шапито, собственный цирковой «доктор» Франц. «Доктор» — в кавычках, потому, что Франц, носящий громкую фамилию Вагнера, был всего навсего лишь ветеринарным фельдшером. Правда, до войны он успел немного вкусить обольстительной сладости высших наук, но по окончании мировой войны обстоятельства настолько изменились, что бывший студент понял, что двери ветеринарного института закрылись для него навсегда.

Этот австриец, по отцу немец, а по матери чех, вскоре после падения и расчленения лоскутной монархии в пои-

сках работы прибыл в гостеприимную и прекрасную Францию. Он давно уже служил в большом цирке Мориса Потакара. Между прочим, Франц хорошо помнил те времена, когда этот цирк не был еще большим, даже средним, а был довольно маленьким и жалким шапито. Вагнер не был тогда «доктором», а был всего лишь одним из десятка простых рабочих-монтеров. С течением времени благодаря опыту четырехлетней войны, которую он провел в качестве ветеринарного фельдшера австрийской армии и кончил ее в чине фельдфебеля, Франц завоевал себе прочное положение уже в большом цирке Мориса Потакара. Он очень хорошо изучил всех пансионеров зверинца и слыл искусным целителем зверей и животных.

В награду за примерную службу, а скорее всего, в силу материальных соображений, а именно — в целях экономии, а также в порядке полной нагрузки работой всех циркачей, главный директор приказал однажды «доктору» лечить также и людей.

Таким образом, для обслуживания всех обитателей огромного шапито, как животных, так и людей, был в цирке один «медицинский персонал», как говорили у нас на фронте солдаты — уважаемый «доктор на все руки», Франц Фридрих Вагнер.

К чести его надо сказать, что «медицинский персонал» в исполнении своего долга совершенно по разному подходил к двум различным категориям своих пациентов. Животных он знал (это была его специальность) и чувствовал себя с ними вполне уверенно. Разговаривал он с этими больными на двух языках: по-чешски и по-немецки, причем с каждым зверем по разному — с одним очень ласково (по-чешски), с другим немного построже (тоже по-чешски), а с третьим — каким нибудь, вечно брюзжащим, злющим

мизантропом тигром совсем уже строго и тоном настоящего немецкого фельдфебеля (по-немецки).

Что же касается пациентов-циркачей, то тут уже получалась совсем другая картина. Подходя к человеку, «доктор» страшно робел и смущался. Робким, вкрадчивым голосом он просил извинить его за то, что он собственно говоря, совсем не доктор и не имеет никакого права лечить людей. Хотя человек — говорил Франц — во многих отношениях и походит на животное, но все же он, Вагнер, никогда не осмелился бы лечить его по своей воле — « Человека надо уважать и подходить к нему во всеоружии медицинских познаний, а у меня их, к сожалению, очень мало», — честно сознавался Франц Вагнер.

— Но бы знаете нашего хозяина... что же мне делать, когда он приказывает? — разводил руками в свое оправдание единственный «медицинский персонал», глубоко вздыхая при этом. Он виновато опускал свою белокурую голову с голубыми глазами, весь как-то съеживался и казался еще ниже своего небольшого роста.

— Боже мой! Боже мой! Какой ужас! — промолвил «доктор», потрясенный рассказом старшего электротехника. Этот последний мало облегчил свою душу, поделившись своими переживаниями с единственным, более или менее, близким ему человеком. Полуинтеллигентская профессия «доктора», а скорее всего общая культура (немецкая) и служба в одной армии (австрийской) как бы сближали этих двух, столь различных по происхождению и несходных по характеру людей. Нельзя сказать, чтобы это была дружба. У мрачного, всех сторонившегося и всех ненавидящего «инженера», не было, и не могло быть, в цирке друзей, но все же только одного «доктора» удостаивал иногда своим

вниманием и разговорами вне службы, этот гордый, разочарованный в жизни, мадьяр.

Теперь, рассказав Вагнеру о своем позоре, он не только не успокоил свою душу, но, казалось, еще больше, до самого конца, осознал всю глубину и нестерпимую боль, нанесенного ему оскорбления.

Лязло Сабо хорошо знал, что только два человека из всей массы цирковых рабочих до сегодняшнего дня не были биты Потакаром. Это были — он сам и «доктор».

Один раз, еще в самом начале своей службы в цирке, счастливый случай избавил Франца от страшного потакаровского удара. Однажды, во время спешной работы по сборке шапито, Потакар замахнулся было уже на неопытного рабочего, но как раз в этот момент Вагнер, натягивая канат, поскользнулся и чуть было не упал. Таким образом, огромный хозяйский кулак, просвистев возле уха австрийца, не задел его самого. Франц не потерял хладнокровия и нашел в себе достаточно смелости, чтобы спокойно сказать Потакару: «Господин директор! Я очень нуждаюсь в работе и на моей родине остались без всяких средств к существованию больная мать и жена с двумя маленькими детьми. Я даю вам честное слово работать очень хорошо и стараться изо всех моих сил, но в тот момент, когда вы меня ударите, я уйду от вас навсегда».

Морис Потакар, очевидно, понял, что это не простая, голословная угроза со стороны Вагнера, потому что с той поры и до настоящего дня, никогда не пытался оскорбить действием своего старого, исполнительного и безупречно-честного служащего.

Старший электротехник знал эту историю и теперь ему нестерпимо стыдно было смотреть в глаза своему сослуживцу. Душевная рана растравлялась еще больше и жажда ме-

сти бесконечно увеличивалась. Он знал, что теперь уже никакая сила в мире не остановит его в этом страшном порыве всего его существа.

— Но как? Каким способом?

Злорадные мысли с быстротой молнии сменяли одна другую в поисках способов осуществления неотложной, немедленной мести.

Было бы под рукой огнестрельное оружие — все произошло бы просто.

Он пошел бы прямо в хозяйский вагон и выпустил бы несколько пуль в ненавистную потакаровскую тушу, а последнюю — себе в висок.

— «Но где достать револьвер?»

— «Взять пенс*) потяжелее (это сделать легко — их много валяется вокруг шапито) и проломить им проклятую хозяйскую башку, а потом — будь, что будет...»

Да, но у Потакара может оказаться в кармане револьвер (в вагоне он у него имеется наверняка) и что тогда будет?

В таком случае план нападения сразу будет сорван, потому что Потакар, находясь в состоянии законной самозащиты, легко застрелит его, не подпустив даже к себе близко...

— «Что делать?» Но что-то неизбежное должно произойти».

На резонные увещевания и слова успокоения, с которыми Вагнер тщетно обращался к венгерцу, тот упрямо твердил все одно и то же: «Я не знаю, что будет, но я твердо уве-

*) Длинные, железные палки, глубоко вбивающиеся в землю вокруг цирка, на которых и держится, привязанная к ним канатами, брезентовая крыша шапито.

рен, что кто нибудь из нас будет убит. Или я его, или он меня. Неизбежное должно произойти...»

Потеряв, наконец, терпение, Франц Вагнер, вытянувшись, вдруг, в струнку по военному и приложив руку к своему «докторскому» головному убору, с сильным убеждением в голосе, твердо проговорил: «Господин старший лейтенант! Я умоляю вас взять себя в руки и немедленно занять ваш пост на работе, а завтра мы спокойно обсудим создавшееся положение, и заставим его просить прощения у вас, а иначе мы оба уйдем...

С этим словами он резко повернулся налево кругом и быстрыми шагами вышел из пивной.

Вслед за ним, сначала неуверенно и медленно, но скоро овладев собой, уже решительными шагами последовал в цирк, окончательно взявший себя в руки Сабо.

VIII.

— «Ах вот, наконец, вы пришли» — обрадовался Артур-Арташез Клотц.

— «А мне давно уже надо кое-куда отлучиться».

С этими словами хозяйский секретарь, сорвавшись со стула, побежал под ближайший вагон. Поспешно освобождая своему заместителю место перед микрофоном, он все же с удивлением успел заметить, как мадьяр, усаживаясь на стул, положил почему-то на землю рядом с собой большой пенс.

Лязло Сабо немедленно приступил к исполнению своих обязанностей спикера. Отставив диск, он начал читать по записке, как всегда, своим зычным и резким голосом, обычные коммерческие объявления. Остановившись на один момент, он, вдруг, сильно повысив тон, произнес:

— «Господа! Прошу вас обратить особое внимание на сегодняшнюю программу. В этот вечер сверх программы будет нами показан исключительно сногсшибательный аттракцион. Сегодня наш уважаемый и всеми обожаемый главный директор, Морис Потакар, на ваших глазах, будет насиловать старую корову. Это несчастное животное было специально куплено сегодня на вашем базаре по дешевке, потому что оно, конечно, не выдержит ужасного испытания и подохнет на писте у вас на глазах.

Дружный, восторженно-радостный гул многотысячной, изумленной толпы, непрерывным валом-потоком, начавшей уже заполнять огромное шапито, не мог заглушить резко кричавший микрофон.

А Лязло Сабо, продолжая громко говорить в него в том же духе, но еще грубее, совершенно неприличными выражениями, злорадно бичевал и бесчестил своего патрона. Захлебываясь словами, спеша излить в микрофон всю свою злобу, накопившуюся годами и теперь выливавшуюся через край, он все же не забывал, оборачиваясь назад, беспрестанно поглядывать, как бы ожидая кого-то, ибо он знал, что Морис Потакар не заставит себя долго ждать.

IX.

В шапито все было готово к началу представления; и люди и животные — все были на своих местах.

Убедившись в этом, Морис Потакар для порядка приказал своему секретарю записать штраф двум рабочим-униформам: одному за плохо выбритую физиономию, а другому — за недостаточно хорошо вычищенные сапоги.

Сделав еще кое-кому несколько замечаний (опять таки для порядка) главный директор приказал, наконец, своему управляющему (просто директору) впускать публику.

— «Приятного аппетита!» — произнес господин Клотц, проводив своего патрона до самого вагона.

Морис Потакар не успел еще захлопнуть дверь своего салона, как два звонких поцелуя запечатлелись на его гладко выбритых щеках. Так ласково-восторженно встретили своего мужа две жены главного директора.

Обе женщины были молоды и очень красивы. Одна — стройная и худощавая жгучая брюнетка-смуглянка, с манерами дикой кошки, африканская красавица алжирского происхождения, а другая — чуть-чуть полная блондинка с голубыми глазами и пухлым ротиком — типичная немка. Трудно представить себе наибольший контраст между двумя этими типами женской красоты. Очевидно по темпераменту и характеру они были также различны. Дополняя друг друга во всех отношениях, эти аппетитные женщины как нельзя лучше должны были удовлетворять необузданный темперамент их общего мужа. Удивительно, как они уживались тихо-мирно, хотя и в шикарном, но все же довольно тесном логовище своего самца-повелителя, как будто нисколько не ревнуя его друг к другу. Во всяком случае, на виду у всех они казались самыми лучшими подружками. Когда в больших городах обе любовницы Потакара совместно делали себе покупки в магазинах их часто видели возвращающимися домой в обнимку; при этом они беспрерывно и весело щебетали, как самые счастливые и беззаботные птички.

Усадив своего мужа за стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный всевозможными закусками и винами, Фанни и Грета наперебой стали подставлять ему изы-

сканные яства. Главный директор с жадностью голодного зверя набросился на еду. Быстро работая двумя руками, он ловко подбрасывал вкусные куски себе прямо в рот, как бы ловя их на лету; шумно пережевывая пищу, он таращил глаза, издавая вместе с тем горлом какие-то неопределенные звуки, довольно близко напоминающие рычание голодной собаки, с ревнивой жадностью глодающей свою кость.

Весь захваченный сладострастным наслаждением поглощения вкусного обеда, столь заботливо приготовленного двумя любящими сердцами, Морис Потакар, в этот момент, казалось, забыл все на свете..., как вдруг его челюсти перестали двигаться и кусок заячьего паштета застрял в его горле. С полным недоумением на лице весь он обратился в слух, потому что причиной такой неожиданной метаморфозы с главным директором был кричащий на всю площадь громкоговоритель.

— «Сволочь!» — заорал вдруг Потакар, ударив кулаком по столу с такой силой, что обе прекрасные дамы громко вскрикнули от неожиданности.

Как был, без пиджака и галстука, с искаженным от гнева лицом, выскочил главный директор из вагона и с быстротой лани помчался в шапито.

X.

Подобно вихрю-хамсину*) африканской пустыни, налетел на венгерца, с поднятыми кулаками, разъяренный неслыханной дерзостью главный директор. Но мадьяр ждал этого момента и не был застигнут врасплох.

Как будто сразу отрезвев, он во время повернулся, схва-

*) Знойный ветер, идущий из пустыни Сахары.

тил тяжеловесный пенс и спокойно стал в оборонительную позицию.

Как внезапно осаженная лошадь сильно закусившая удила, остановился, как вкопанный, Морис Потакар перед угрожающе поднятой железной палкой.

— «Сволочь!» закричал он громовым голосом — Сейчас-же брось пенс! — Убью тебя, негодяя!»

Поистине мефистофельский хохот раздался ему в ответ.

— «А ну, попробуй, мерзавец!» невозмутимым тоном, с презрительной усмешкой, отчеканивая каждое слово, отрезал Потакару венгерец. Как только подойдешь, сейчас же проломлю тебе твою дурацкую башку. Нарочно выбрал пенс потяжелее».

После такого обмена любезностями единоборство противников перешло в другую фазу, неожиданно приняв вид своеобразной импровизации дикого танца.

Озверевший хозяин, рыча и изрыгая бешеные проклятия, тщетно наскакивал на мадьяра, потому что тот легко отбивал с помощью пенса все удары нападавшего.

Неестественно спокойно, с совершенно небрежным видом, как бы шутя и играя (точь в точь, как кинематографический герой), с саркастической усмешкой на устах, Лязло Сабо размеренно размахивал своим страшным оружием, не подпуская к себе манерно танцующего перед ним Потакара. При этом он беспрерывно обливал своего патрона ужасной словесной грязью, вспоминая и пользуясь столь богатым в этой области лексиконом Иностранного легиона.

Неизвестно, чем бы кончился этот оригинальный танец команчей. Быть может, доведенный до последней степени каления Морис Потакар, попал бы в конце концов под страшный удар провоцирующего его венгерца, если бы в

этот поединок не вмешались, во время подоспевшие, третьи лица.

Обе потакаровские дамы, услышав одновременно со своим мужем столь неожиданно скандальную публикацию спикера, недолго оставались в вагоне. Они поняли, что происходит исключительно большой скандал и воспылали желанием, как настоящие дочери Евы, немедленно принять посильное участие в нем. Поспешив на помощь своему другу-властелину, они хотели доказать ему свою преданность и любовь... Они прибыли к месту столкновения противников в тот момент, когда, казалось, что совершенно потерявший, от бессильного бешенства, самообладание Морис Потакар, не находя под рукой никакого подходящего оружия, вот-вот пойдет с пустыми руками, очертя голову, в последнюю атаку.

Неожиданно появившись сзади Потакара, запыхавшиеся от волнения и спешной ходьбы элегантные женщины, вдруг повисли у него на плечах, как бы защищая своими прекрасными телами любимого человека от грозящей ему опасности.

Истошным криком повисло в воздухе известное слово генерала Камброна. Одновременно с этим воплем, сильным напряжением своего атлетического тела, одним рывком ,сбросил с себя главный директор Фанни и Грету, разлетевшихся в разные стороны и почти одновременно упавших на землю. С диким ревом смертельно раненого зверя, схватившись обеими руками за голову, побежал в сторону от противника Морис Потакар, не видя ничего перед собой. Но он сейчас же натолкнулся на музыкантский вагон, стоявший недалеко от места разыгрывавшейся сцены. С искаженным лицом, с пеной у рта, как у бешеной собаки,

со страшной силой он начал биться головой об угол вагона, продолжая кричать истошным голосом.

Казалось, что дикий зверь в образе человека выскочил вдруг из бездонной бездны, настолько был ужасен этот жуткий рев на одной ноте, беспрерывно вырывавшийся из оскаленной пасти Потакара.

Его личный секретарь, с видом совершенно обалдевшего человека, метался между микрофоном, оставляя свои диски, и музыкантским вагоном. Он боялся приблизиться к потерявшему человеческий образ хозяину и все пытался приказать, облачавшимся в красные мундиры и с любопытством выглядывавшим из своего вагона, музыкантам сыграть поскорее — до времени первый марш, дабы отвлечь внимание публики от разыгравшегося скандала.

Между тем, бенгальские тигры, выступавшие первым номером программы, подтянулись уже по железному тоннелю к артистическому выходу на арену, возле которого бился в истерике Морис Потакар. Звери, услышав его дикие вопли, быть может, почувствовав что-то родственно-созвучное для себя в тональности этого воя, заревели вдруг в унисон со своим принципалом. Услышав тигров к ним сейчас же присоединились их сородичи — африканские львы, а за ними пошли и все прочие обитатели зверинца. С глубокой тоской и печалью завыли волки и шакалы. Даже маленькие обезьянки и те пришли в движение, попискивая своими тоненькими голосами. А старый заслуженный артист — ученый петух, успевший уже заснуть, как положено ему было самою природой, пробудившись вдруг и не разобрав спросонок, в чем дело, заорал во всю глотку и в совсем не в положенное время, свое, всем известное : «ку — ку — ре — ку!»

Подождав немного, как полагается знающим себе цену,

настоящим ведетам, решили, наконец, присоединиться к общему концерту тяжеловесные великаны слоны. Их дружный экип, состоящий из десяти тромбонов и труб, с необычайной силы «фортиссимо» покрыл кокофонию этого необычайного, звериного ансамбля. Заглушен был и голос самого «маэстро» Потакара, так точно-увлекательно задавшего предварительный тон в этом импровизированном концерте.

Теперь ясно было видно, что главный директор начал заметно выдыхаться и остывать. Все реже и слабее стучал он головой о вагон. Он перестал завывать и только понемногу рычал. Его грузное тело ослабло, обмякло, стало медленно опускаться и совсем повалилось на землю. Фанни и Грета рискнули, наконец, приблизиться к своему поверженному кумиру и с помощью господина Клотца с боль шим трудом поставив Потакара на ноги, отвели его, стонавшего и мычавшего что-то нечленораздельное в его собственный салон-вагон.

«Доктору» Вагнеру, присутствие которого считалось абсолютно обязательным при исполнении номера с бенгальскими тиграми (дело прежде всего) было приказано посетить больного хозяина немедленно, по окончании этого аттракциона.

А главный виновник всего происшедшего Лязло Сабо находился уже на своем посту при электрической станции.

Музыканты прекрасного духового оркестра, наскоро настроив инструменты, поспешили занять свои места.

Мощно грянул известный во всех цирках торжественно-бравурный марш «Двадцатый век». В некоторых шапито этот марш носит другое название: «Цивилизация».

Представление началось во время, как всегда, как ни в чем не бывало.

XI.

На другой день Большой цирк Мориса Потакара вновь располагался на полянке-окраине следующего по расписанию провинциального города.

День выдался пригожий. Безоблачное небо радовало глаз своим чудным,безукоризненно чистым, голубым цветом. Время приближалось к полудню и африканское солнце сильно пригрело в поте лица работающих по поднятию шапито, циркачей.

Окрестные арабы нагнали такое количество убойного скота (для кормления людского персонала и кровожадных зверей), предлагая его почти даром (при условии получения билета в цирк — лишь бы попасть на представление), что заведующий хозяйством не решался самостоятельно разрешить вопрос о закупке мясного запаса, намного превышавшего потребность сегодняшнего дня. Он с нетерпением ждал появления самого хозяина, чтобы доложить ему о своих сомнениях и коммерческих соображениях.

А Морис Потакар, как назло, сегодня опаздывал — его шикарного салон-вагона до сих пор не было на площади. Это обстоятельство дало повод к возобновлению разговоров и толков о сенсационных событиях вчерашнего дня. На всех языках обсуждала и смаковала интернациональная цирковая семья все перипетии происшедшего скандала, исход которого трудно было предугадать.

— «А что ему спешить? Лежит себе старый кобель на перине и зализывает свои раны».

— «Ему хорошо лежать и побитому... С двумя кралями по бокам. Они быстро залижут его...

— «Ничего не лежит, а сидит сейчас у префекта. Вот по-

смотрите, как нагрянет полиция и не увидим мы больше нашего «инженера».

— «Да, забьют его на смерть...»

— «Забить, может быть, не забьют, а вышлют из Франции наверное».

— «Ничего этого не будет. А где он найдет такого специалиста?»

— «Захочет — найдет. Возьмет француза».

— «Француза? А сколько ему надо платить?

— «В три раза больше».

— «И полвагона дать.

— «И в морду нельзя заехать».

— «Ну, насчет этого ему надо будет теперь подумать. Нашла коса на камень!»

Так рассуждал цирковой пролетариат — голос народа, глас Божий.

Администраторы и артисты переживали эти события не так горячо, но все же волновались немало, каждый соответственно своему темпераменту.

Немецкая труппа тяжеловесов-атлетов, после детального и спокойного разбора инцидента, в общем, осудила поступок венгерца-спикера.

А партерные акробаты — итальянцы, обсуждая происшедшее событие, страстно волновались, оглашая сухой африканских воздух своими высокими тенорами. Они репетировали уже свой номер с трамплином на писте, еще не засыпанном мягкой землей и опилками. По этой причине, а скорее всего, благодаря недостаточному вниманию, столь необходимому в акробатике, их трудные полеты сегодня никак не удавались. Этот первоклассный аттракцион исполнялся весьма многочисленной и дружной семьей, самостоятельно занимавшей целый вагон. Двенадцать человек —

дети, жены, мужья и внуки, во главе с почтенным дедушкой Рампицоти (по сцене — Мориссон) участвовали в этом номере. Только тринадцатый член семьи — бабушка Лютеция (из-за преклонного возраста и слишком обрюзгшего тела) не выходила уже на арену. Целыми днями сидела она в вагоне и варила макароны. А уважаемый ее супруг, поджарый старик, с совсем седой головой, непрестанно учил-дрессировал свою семейную труппу и сам участвовал в аттракционе.

И вот сегодня, как каждое утро, сидя на складном стуле и наблюдая невнимательную работу своих питомцев, он с неудовольствием прислушивался к «неуместно-глупым» рас суждениям о том, что времена телесных наказаний давно уже прошли и в двадцатом веке никто не имеет права драть ся, даже — сам хозяин и главный директор цирка. Потеряв терпение, вышел из себя разгневанный старик и закричал, вдруг, пронзительно высоким фальцетом: «Баста! я покажу вам, канальи, как заниматься дурацкими разговорами во время работы!»

Сорвавшись при этом со стула деспотически-строгий патриарх, с ловкостью двадцатилетнего юноши, стал быстро награждать своих сыновей, дочек, невесток и зятьев подзатыльниками и звонкими пощечинами.

Порядок был немедленно восстановлен и все артисты — знаменитые на весь мир Мориссоны — поспешно заняли свои места для продолжения репетиции. Все — за исключением одного. Только самый маленький артист и ведетта труппы пятилетняя внучка Рампицоти, смуглая девочка с изюминками вместо глаз, легким мячиком вылетавшая с трамплина с тройным сальто (unique au monde), чтобы через мгновенье очутиться на плечах своего отца и оттуда очаровательным жестом послать почтеннейшей публике

воздушный поцелуй, замешкалась на минуту и, собрав в комочек свое маленькое личико — почему-то вдруг горько заплакала.

Личный секретарь Мориса Потакара «дипломат» Арташез предложил вчера вечером, перед тем как пожелать патрону спокойной ночи, деликатный выход из создавшегося положения: под видом отпуска удалить из цирка на некоторое время Сабо, а затем снова взять его на службу, якобы наказанного и раскаявшегося в своем поступке. Таким образом, и волки будут сыты и овцы целы, думал господин Клотц, излагая свой проект. Но главный директор, к сожалению, прогнал тонкого «дипломата», послав его ко всем чертям, и даже не дослушав до конца. Об этой самой неудаче и рассказывал сейчас обиженный личный секретарь Потакара собравшимся в вагоне-кассе администраторам, кассирам и другим «аристократам».

А «доктор» Франц Вагнер совершенно другими глазами смотрел на разыгривавшуюся перед ним драму. Он подходил к вопросу совсем иначе, не так, как все другие, рассматривавшие события, так сказать, формально, с точки зрения обще-житейских правил. «Доктор» отлично понимал, что столкновение двух таких исключительно сильных натур зашло уже слишком далеко и разрешение этого конфликта нельзя уложить в рамки простых и шаблонных понятий.

Наблюдая за кормлением зверей или приготавливая шприц, чтобы уколоть какого-нибудь болящего четвероногого пациента, он смутно вспоминал кое-что из того, что когда-то и где-то читал.

И странные мысли приходили ему в голову "Homo homini lupus est", не забыл еще бывший студент древне-римское изречение.А ведь эта формула, думал он, дойдя через

столько столетий до наших дней осталась, к сожалению, в полной силе своего сурового содоржания. Прошли века и вместе с ними — дикие времена, а между тем зверский инстинкт взаимной вражды и уничтожения среди всех народов и цивилизаций, в полной мере царит на грешной земле. Неужели всегда, на вечные времена будет в силе страшное вавилонское пророчество: «Все будут убивать друг друга». Или еще, кажется, оттуда же: «В мире никогда не будет конца войне».

А может быть, корни этого, как будто ничтожного циркового конфликта уходят далеко, далеко, в глубь древнейших времен и могут даже в какой то степени объяснить природу современных больших международных конфликтов — войн, а также революций и других гражданских потрясений. Может быть, отдаленные предки столкнувшихся здесь противников жили когда-то, очень давно, вместе, где-нибудь в необъятных просторах Средней Азии и даже пещеры их находились совсем по соседству. Ведь были они людьми одной крови, так как вышли из одного расового источника. И схватились они в смертельном поединке, не поделив чего-нибудь между собою, скорее всего из-за женщины. И кровь пролилась. И вот теперь, много столетий спустя, судьба снова столкнула и вместе с тем, как бы отбросив назад, в глубь самых допотопных времен, теперь уже под жарким африканским небом, двух непримиримых потомков древнего рода, представителей одной и той же расы: мадьяра Сабо и цыгана Потакара. Говорят, что труднее всего примиряются между собою близкие родственники, а тем более — противники, достойные друг друга: один — с дьявольской печатью на лице, а другой — истекающий слюной бешеной собаки. И кровь должна будет пролиться.

Так думал Франц Вагнер и мало было у него надежды на благоприятный исход злополучного конфликта. Тяжелое предчувствие томило его.

XII.

Время шло, а салон-вагон не появлялся.

Сборка шапито подходила уже к концу и, время приближалось к обеду.

Солнце палило во-всю, вызывая у циркачей жажду, а работа на чистом воздухе — беспредельный аппетит. Все чаще поглядывали они на дымящийся вагон-кухню и с нетерпением ожидали свистка заведующего работами, возвещающего о часе обеда.

Потеряв терпение, оборванные арабы, по наивности своей, назойливо навязывали рабочим и артистам (кому попало) свой «полуживой» товар. Прямо непонятно было, как эти несчастные животные, невероятно худые, доведенные голодом до последней степени истощения, могли еще держаться на ногах.

А герой сегодняшнего дня Лязло Сабо, как всегда не покладая рук, с каким-то особенным остервенением и рвением исполнял свои обязанности старшего электротехника. Электричество было уже проведено, и «инжинер» занят был установкой микрофонов. Внешний вид у него был совершенно нормальный (не говоря, конечно, о подбитом глазе и других кровоподтеках) и на лице его было написано полное спокойствие.

Казалось, что он всецело поглощен работой и не думает ни о чем другом, как о ней. Что же было у него на душе на самом деле и какие тревожные мысли сверлили его воз-

бужденно-болезненный мозг — одному Господу Богу было известно.

— «Прибыл! — Приехал!» — послышались, наконец, возгласы со стороны главных ворот.

Теперь уже многие видели подъезжавший к расположению шапито хозяйский вагон. Сразу все притихли и с сугубо сосредоточенным видом продолжали свою работу.

Не успел еще как следует остановиться трактор, тянувший потакаровский дворец на колесах, как главный директор, выскочив из него почти на ходу, быстро направился в обход шапито.

В безукоризненном, светлом костюме, свеже выбритый и надушенный, с непокрытой головой (как всегда в хорошую погоду), с легкостью молодого спортсмэна, обежав уже шапито в полкруга, приближался Потакар к месту, где работал Лязло Сабо. Как ни в чем не бывало, весело-непринужденно, поздоровался он со старшим электротехником:

— «Здорово, Сабо! Все в порядке?»

— «Здравствуйте, господин главный директор» — проговорил венгерец, поворачиваясь к хозяину, на лбу и голове которого ясно выступали синяки и ссадины, замазанные кремом и густо присыпанные пудрой.

Невольно глаза мадьяра заискрились насмешливым блеском, а губы сложились в саркастическую улыбку.

Этого было достаточно для того, чтобы потухший было огонь невероятной злобы, снова вспыхнул жгучей ненавистью к дерзновенному оскорбителю, а пламя этого огня, вдруг с изумительной ясностью и так рельефно осветило Потакару всю сцену недавнего его унижения.

В мгновенье ока, сразу, как сноп, свалился навзничь Лязло Сабо, сраженный страшным потакаровским ударом.

Падая, он сильно ударился затылком о железный ящик и почти потерял сознание, а руки его запутались в проволоке, с которой он только что возился у микрофона. Это обстоятельство сделало венгерца совершенно беззащитным перед навалившимся на него всем своим могучим телом укротителем зверей и людей.

Морис Потакар бил, душил и терзал свою жертву, не помня себя, находясь в каком-то угаре сладострастного экстаза. Звероподобное рычание его напоминало вчерашнюю истерику с ним, а глухой стук, с которым билась о край железного ящика голова несчастного мадьяра, странно подчеркивал жуткое совпадение и сходство с той сценой, когда сам Потакар, в бессильной злобе, бился головой о железную обшивку музыкантского вагона. Только роли теперь переменились.

— «Вставай сволочь!» — прохрипел Потакар, выпустив, наконец, из своих рук несчастную жертву. Но окровавленное тело венгерца не двигалось. Тогда главный директор с силой ударил его ногой в живот. Лязло Сабо не шевельнулся и продолжал неподвижно лежать. Тут только опомнился самодовольно-уверенный в себе укротитель. Казалось — он понял, что произошло непоправимое. Тяжело дыша, выкатив свои страшные, налившиеся кровью глаза, с отвислой нижней губой, по которой стекала с пеной слюна, тупо смотрел Морис Потакар на лежащее перед ним неподвижное тело навсегда укрощенного им человека.

Схватившись вдруг за голову обеими руками, сразу отяжелев, неровной походкой, поковылял он к себе в салон-вагон.

За несколько минут до этого, один из помощников старшего электротехника, работавший почти рядом со своим

шефом, рискнул оставить свой пост и побежал в зверинец за «доктором». Тот не замедлил явиться на зов.

Пощупав пульс, Франц бережно положил руку умершего на землю и закрыл глаза покойнику.

Затем, вытянувшись по военному и став смирно, он ненадолго сдержал порыв своего душевного горя. С тяжким стоном, повалившись на землю и обнимая бездыханное тело мадьяра, Франц Вагнер, обливаясь слезами, глухо, навзрыд зарыдал.

Так кончил свои смутно-сумбурные дни безнадежно разбитой жизни бывший рядовой французского Иностранного легиона Лязло Сабо, бывший старший лейтенант знаменитой венгерской кавалерии, последний представитель одного из знатнейших родов венгерской аристократии, князь Иене Местергани.

„Преступление" акробата

I.

ДВА автокара защитного цвета медленно подъехали к центральной площади города Зальцбурга. Из-под грязи и пыли, основательно покрывавших автомобили, едва проглядывали белые буквы кратких обозначений "U.S.A.-Army", а на длинных полинявших от дождя и выцветших от солнца, полотняных плакатах, прикрепленных впереди автокаров, крупным шрифтом выведенное: "Special Service".

Автомобили, после некоторого раздумья, двинулись на площадь и остановились у величественного старинного памятника, находящегося в самом ее центре.

Из переполненных автокаров начали выскакивать весьма странного вида «военные». Все они (мужчины и женщины) были облачены в американскую форму: своими же манерами и разнузданным поведением скорее походили на цыган кочующего табора, чем на дисциплинированных солдат. В лучшем случае, этих «американцев» можно было принять за артистов из наскоро составленной труппы, отправленной в большое турне.

Так оно и было.

В Зальцбург прибыл театральный ансамбль под названием «Веселый Париж», предназначенный своими мюзикхоллными выступлениями разнообразить монотонную

жизнь американских солдат. «Веселый Париж» должен был обслуживать американскую зону оккупации гитлеровской Австро-Германии, только что сокрушенной и поставленной на колени.

Вся труппа столпилась у памятника, окружив его тесным кольцом.

— Скажи мне, как фамилия этого генерала? — обратился акробат, которого звали Али Махмут, к стоявшему рядом с ним фокуснику по имени Катина. Прежде, чем задать этот вопрос, любознательный марокканец долго не сводил своих глаз с возвышавшейся во весь рост, на каменном пьедестале импозантной фигуры.

— Это не генерал, а композитор Мозàр, — последовал ответ.

— Не Мозàр, а Мóцарт — поправил факира весьма солидный мужчина средних лет, похожий на настоящего полковника.

— А я говорю — Мазàр! И вообще не тебе, казаку, учить меня, француза.

Тон делает музыку. Последняя фраза была произнесена тоном, заставившим грузного человека с легкостью балерины вмиг очутиться возле обидчика с угрожающе поднятыми «казацкими» кулаками.

— А ну, повтори, что ты сказал! — строго обратился к фокуснику оркестровый пианист Поликарп Иванович Алмазов, бывший адъютант одного из доблестных казачьих полков Росеийской Армии.

Две неразлучных подруги и партнерши-танцовщицы Ивон и Изольда (по паспорту Сосновская и Ложкина) с чисто женским любопытством и проворством подскочили к месту назревавшего конфликта. Своими стройными телами они старались разъединить петушившихся мужчин, звонкими

голосами тщетно уговаривая их, сразу на двух языках, помириться и разойтись по-хорошему.

Неизвестно, чем кончилась бы так неожиданно начавшаяся между двумя по виду добродушнейшими людьми и казалось бы приятелями эта глупая ссора (и не только она одна — намечались и другие «конфликты»), порожденная усталостью проголодавшихся путешественников, если бы в этот момент не появился пересекающий площадь быстро мчавшийся к памятнику маленький «джип».

Из автомобиля, которым управлял комендантский офицер, вышел успевший уже побывать в комендатуре и вернуться оттуда с инструкциями начальник труппы «Веселый Париж», молодой американец Петер Кели. Это был рядовой американской армии и вместе с тем по положению начальника труппы, «командир, не имеющий чина». Кроме того он исполнял обязанности шофера одного из автокаров, а также являлся носильщиком артистического багажа. Начальник, не имеющий чина, здоровенный ирландец с грубым крестьянским лицом и такими же манерами, радостно объявил своим подчиненным о том, что труппе отведен прекрасный отель со всеми удобствами, а в офицерском собрании уже готовится чудный обед на тридцать персон, состоящий из настоящей курицы (хотя и замороженной), свежей жареной картошки и сливочного мороженого из настоящего жидкого молока.

Сразу забылись все ссоры и обиды. «Служители искусства», питавшиеся в дороге непривычными, уже успевшими опостылеть им, консервами, услышав о «царском» свежем обеде, с детской радостью бросились со всех ног занимать свои места в автомобилях.

II.

По распоряжению Special Service — театрально-музыкального отдела главного штаба американской армии, труппа «Веселый Париж» получила два дня полнейшего отдыха. Только на третий день была назначена репетиция, а вечером — первый парадный спектакль.

В течение первого свободного дня парижские гастролеры имели возможность насладиться необычайной красотой чудесного Зальцбурга с его музеями, театрами, старинными церквами и домами, в одном из которых родился и вырос великий Моцарт.

На второй день отдыха была назначена интересная поездка в «Берхтесгаден» — «Орлиное гнездо» Гитлера, находящееся в Баварских Альпах, примерно в сорока километрах от Зальцбурга. Там всесильный диктатор, обуреваемый манией величия, уединялся каждый раз перед принятием какого-нибудь важного решения.

III.

В НАЗНАЧЕННЫЙ час вся труппа собралась у выстроенных длинной вереницей маленьких джипов, способных подниматься по узкой горной дороге. Артисты, не долго думая, разместились по машинам. Только акробат Али Махмут, никогда не покидавший своих коллег, одиноко стоял почему-то с глупо растерянным видом на тротуаре, возле здания комендатуры. На недоуменные вопросы товарищей, он объяснил им причину своего поведения.

— Он (Гитлер) скрывается где-нибудь в горах и подсмотрит, как мы, нежеланные, приедем к нему в дом. Он

нам никогда не простит этого и обязательно отомстит. Я его боюсь и не хочу с вами ехать.

После долгих уговоров и уверений в том, что фашистского изувера давно уже нет в живых, и опасаться его мести нет никаких оснований, колеблющегося и упирающегося акробата почти силой, со смехом и шутками, втащили в один из отъезжавших автомобилей.

Долго поднимались в гору резвые джипы, теперь с трудом бравшие высоту, часто останавливаясь на неожиданных поворотах и крутых подъемах. Наконец «кавалькада» достигла небольшой площади, на которой находилось одноэтажное здание — казарма отряда «эсесовцев»*), недавних верных телохранителей своего господина. Отсюда можно было подняться до самого верха по искусно сделанной в горе миниатюрной подъемной машине, предназначенной исключительно для диктатора с его свитой. Теперь этой привилегией пользовались генералы и другие высокопоставленные лица, состоявшие при американской армии.

Любопытно-любознательные парижане, конечно, не могли остановиться на полдороге — единогласно решили пешком добраться до намеченной цели. С трудом карабкаясь по крутому, местами почти отвесному склону горы, неопытные «альпинисты» поднялись, наконец, на верхушку самого высокого пика, господствовавшего над всеми остальными высотами. Они подошли вплотную к небольшому, невысокому зданию со стенами защитного цвета — знаменитой резиденции недавнего властителя Европы.

Казалось, что низко нависшие облака вот-вот покроют весь дом, окутав его плотным серо-молочным туманом. На

---

*) Отборные солдаты — члены партии национал-социалистов.

противоположной стороне здания оказалась небольшая площадка-балкончик, висящая прямо над отвесным обрывом. Отсюда открывалась чудесная, жутко-величественная панорама.

Сверху подавляло своей беспредельностью необыкновенно близкое небо, с грозно надвигающимися издали тучами, а внизу, куда ни посмотришь, зияла страшная бездонная пропасть.

IV.

Несколько «кодаков» и «цейсов» нацелились на дубовое кресло, в котором барахтался, тщетно отбиваясь от своих товарищей-артистов, суеверно-трусливый араб. С бледным, искаженным от страха лицом, напрасно Али Махмут умолял своих мучителей не губить его окончательно. Жестокие шутники, выкрутив назад ему руки, как бы распяли несчастного марокканца на высокой спинке гитлеровского кресла. Другие забавники с азартом защелкали своими аппаратами, запечатлев на многих пленках страшное «преступление» акробата.

Натешившись вдоволь и оставив наконец свою жертву, доведенную почти до истерики, артисты продолжали дурачиться, изощряясь в своих выходках, кто как мог, каждый по своим способностям и специальности.

Испанские каскадеры «Кастилянос», репетируя свои трюки, залезли на дубовый стол, за которым не так давно еще заседали нацистские министры под председательством самого фюрера.

Представительницы прекрасного пола не отставали от мужчин в изобретательности своих шутовских номеров.

«Женщина-змея», прелестная бельгийка Лилиан, пова-

лилась вместе со своим обожателем, самоуверенным красавцем жонглером Жаконели (он же «пожиратель огня»), на низкую строго-спартанскую кровать, занимавшую угол небольшой спальной комнаты Гитлера. Непристойными жестами они грубо пародировали воображаемую любовную оргию.

Музыкальные клоуны «Пастис и Перно» распевали, конечно, в униссон, глупейшие куплеты, аккомпанируя себе с помощью ложек на сияющих ослепительным блеском кастрюлях миниатюрной «вегетарианской» кухни.

Поликарп Иванович Алмазов, попробовавший было вначале заступиться за травимого товарища-акробата, принужден был отступить на заранее приготовленные позиции перед всеобщим безудержным проявлением веселья разгулявшихся «служителей искусства». С интересом осмотрев все четыре комнаты гитлеровского «Орлиного гнезда», он вышел проветриться на свежий воздух, оставив своих товарищей в состоянии продолжавшейся не совсем понятной ему, исступленной экзальтации.

V.

ВЕСЕЛО побежали легкие джипы по обратной нетрудной дороге.

Забытый уставшими голодными товарищами, которым было теперь не до шуток, Али Махмут с почерневшим лицом и закрытыми глазами неподвижно сидел, как всегда, рядом с шофером одного из автомобилей.

VI.

НЕОЖИДАННО для артистов и к величайшей их радости мюзик-холльный ансамбль «Веселый Париж» был оставлен на две недели в Зальцбурге.

Начальство из Special Service избрало этот город в качестве базы для труппы, откуда она должна была, дав предварительно два спектакля в самом городе, каждодневно выезжать на гастроли в различные пункты, расположенные вокруг этого центра — всюду, где находились американские гарнизоны.

VII

МНОГО различных событий, больших и малых, произошло за эти две недели пребывания «Веселого Парижа» на родине Моцарта.

Ивон и Изольда, будучи интимными подругами и партнершами, жили в общем очень дружно. Конечно, иногда и ссорились, но очень редко и совсем не серьезно. Тут же случилось событие, породившее между ними настоящее «недоразумение», стоившее им двух прогульных дней, так как из-за синяков и царапин на их лицах и растерзанного вида обеих, их нельзя было сразу выпустить на сцену.

Все произошло из-за очень интересного поклонника (конечно, американского «миллионера»), объяснившегося им обеим в горячей любви (конечно, каждой отдельно), и обещавшего и той и другой, по окончании войны и демобилизации, и руку, и сердце, и райскую жизнь в Нью-Йорке. Вскоре, однако выяснилось, что общий их обольститель совсем не миллионер, а скромный механик в захолустном городишке отдаленнейшего штата, а самое главное — что

он давно уже женат и имеет кучу детей. Примирение состоялось со слезами раскаяния и торжественными клятвами никогда не выходить замуж, так как «все мужчины подлецы и не стоят нашей любви»...

«Женщина-змея» изменила неотразимому жонглеру, и Жаконели угрожал покончить самоубийством и даже — немедленным уходом из труппы, если «неверная змея» не раскается в своем поступке и не вернется сейчас же в его объятия. По поводу угроз пострадавшего Жаконели, начальник труппы Петер Кели, под большим секретом, сообщил своей подруге, французской певице Манон кое-что из того, что он своими собственными ушами слышал в комендатуре. Не прошло и часа после этого секретного разговора, как вся труппа с наслаждением смаковала сенсационные новости, исходящие из такого неоспоримо-высокого источника.

Оказывается, сам комендант, который и был виновником несчастья, случившегося с Жаконели, ничего не имел против самоубийства последнего. Однако, он посоветовал начальнику труппы предупредить слабонервного итальянца, чтобы тот не вздумал пользоваться при исполнении своего решения огнестрельным оружием, ибо в таком случае он, комендант, по долгу службы, принужден будет привлечь «самоубийцу» к ответственности за незаконное ношение оружия.

Эти слухи не замедлили дойти до самого Жаконели. Они как нельзя лучше, успокоили страстный пыл его неаполитанской души. Пожиратель огня решил, продолжая страдать, самоотверженно жить, хотя бы и с растерзанным сердцем...

Мысль о нарушении контракта он также оставил, ибо отлично знал, как трудно среди сезона найти другой анга-

жемент, тем более такой интересный, как у американцев.

Каждый вечер посрамленный «Дон Жуан» продолжал весело и грациозно подбрасывать и ловить белые мячики и с аппетитом пожирать свое «горячее блюдо»...

Симпатичный чревовещатель, толстый швейцарец Спейзер, однажды объелся мороженым. На спектакле, сидевший у него на коленах курносый мальчик с рыжими волосами, говоривший обыкновенно пронзительным дискантом, подал вдруг одну реплику хриплым баском. Получилось неестественно, но очень смешно.

Но это относится уже к мелким событиям — о них не стоит много распространяться...

Такого рода происшествия заслонили впечатление первых дней пребывания театрального ансамбля в Зальцбурге. Только одного человека в труппе не оставляли кошмарные воспоминания о поездке в Берхтесгаден. Акробат Али Махмут с душевным трепетом ожидал возмездия за свое «преступление».

VIII.

АТТРАКЦИОН марокканца начинался и кончался одним и тем же главным его трюком. Он входил на сцену на руках вниз головой и вверх ногами. Проделав ряд упражнений, продолжавшихся всего пять минут, акробат удалялся со сцены таким же способом, каким и появлялся на ней. Последнее время Али Махмут с трудом уже доводил до конца свой маленький номер. Крайне подавленное состояние духа и полное отсутствие аппетита давали себя знать. Руки уходившего со сцены артиста сильно дрожали и дойдя на них с трудом до кулис, он падал там на пол

и долго оставался в таком положении, не имея сил сразу подняться.

Товарищи араба — те самые люди, которые сыграли с ним злую и грубую шутку в Берхтесгадене, теперь искренне сочувствуя ему, настойчиво советовали тающему на их глазах человеку, обратиться к врачу.

Али Махмут приходил в дикий ужас от подобной идеи.

— Ни за что на свете! Лучше так умереть... Он (Гитлер) прикажет доктору меня отравить.

Напрасно уверяли марокканца в том, что Гитлер, если даже он жив, не может ничего приказать американскому доктору.

— Он все может, — утверждал Али Махмут. — Он видел меня в своем доме. Ах, зачем вы посадили меня в его кресло? Зачем сфотографировали? Этого преступления он никогда мне не простить. Что делать? У каждого своя судьба, и я должен умереть...

С большим трудом, в конце концов, уговорили Али Махмута отправиться к доктору. В решении этого вопроса большую роль сыграл Поликарп Иванович Алмазов, принявший горячее участие в судьбе марокканца. Переселив последнего в свою комнату, обладавший сильной волей и способностью убеждать, оркестровый пианист во многом благотворно влиял на акробата.

Поликарп Иванович дал слово Али Махмуту сопровождать его к доктору и не оставлять ни на минуту до конца визита.

Гарнизонный врач, предупрежденный музыкантом, очень ласково принял больного. Американец поговорил даже немного с арабом, так как последний не раз, еще до войны, работал в Лондоне и понимал по-английски. Внимательно осмотрев и выслушав пациента, доктор предложил боль-

ному сейчас же оставить работу и немедленно приступить к лечению.

Встречаются иногда врачи, которые одним своим видом и умелым обхождением сразу внушают к себе доверие больного, действуя на его моральное состояние лучше, может быть, всяких лекарств и снадобий. К таким принадлежал, очевидно, и гарнизонный доктор.

Али Махмут сразу успокоился и держал себя как почти нормальный человек. На предложение доктора немедленно лечь в Зальцбургский госпиталь, марокканец вполне резонно возразил, что он предпочитает не отставать от труппы и начать лечиться уже в Мюнхене — следующем этапе артистического турне «Веселого Парижа». Завтра труппа дает последний спектакль в Зальцбургском районе, а на другой день выезжает к месту нового назначения.

Поликарп Иванович с большим жаром поддержал понятное ему желание марокканца не отставать от товарищей, а также стремление его удалиться подальше от «страшного дома на высокой горе». На вопрос доктора Алмазову, почему он принимает такое участие в судьбе акробата и не является ли больной ему родственником, Поликарп Иванович ответил, что марокканский араб не является ему, донскому казаку, ни родственником, ни — даже близким человеком, а только товарищем, а у казачества существует испокон веков священный обычай-закон: никогда и ни при каких обстоятельствах не бросать товарища в несчастье.

— Very good, very nice... — медленно проговорил американец и с чувством пожал руку донскому казаку.

Али Махмут, с выражением востооженного умиления, напряженно смотрел на Поликарпа Ивановича, не спуская с

него черных, лихорадочно блестящих глаз, наподобие бесконечно благодарной и до смерти преданной собаки...

IX.

СЧИТАЯ главной причиной заболевания Али Махмута ненормальный прилив крови к голове во время исполнения его номера, гарнизонный врач освободил акробата от работы до полного выздоровления. Марокканец все же пожелал сопровождать товарищей по труппе в небольшой городок, где «Веселый Париж» давал свой последний спектакль перед отъездом в Мюнхен. У больного появился аппетит, он повеселел и производил впечатление вполне нормального человека. Во время спектакля шумно аплодировал своим коллегам-артистам, находясь среди зрителей в зале театра.

По окончании представления Поликарп Иванович хотел посадить своего «протеже» рядом с собой в автокаре, следуя наставлениям военного доктора не выпускать его по возможности из поля зрения. Но последний пожелал занять (как всегда) место в головном автомобиле рядом с шофером. Пианист не стал ему прекословить, помня также и на этот счет советы врача.

Путь лежал через лес. Сейчас же после спектакля пошел дождь, перешедший теперь в ливень. Сверкнула молния — ударил гром. Настоящая большая гроза пошла перекатом по всему темному лесу.

У начальника труппы, ведшего головной автомобиль, появилось непреодолимое желание как можно скорее попасть в уютный зальцбургский отель. Позабыв о предосторожностях, которые он должен был соблюдать по инструкциям

в ночных переездах, ирландец пустил свой автокар самой большой скоростью.

Давно уже не слышно было о нападении «эсэсовцев» на американских солдат. Не желая сдаваться на милость победителей, эти упорные фанатики ушли в лесистые горы и не спускаясь с них, оставались там в выжидательном положении. Как водится в таких случаях, местные жители тайком передавали им пищу, поддерживая таким образом их существование. Американское командование не предпринимало карательных мер — экспедиций для ликвидации этих небольших групп «резистантов». Считая что время сделает свое дело и обстоятельства заставят в конце концов нацистов пойти на капитуляцию, американское начальство не хотело рисковать своими солдатами и проливать кровь понапрасну.

Во всем округе было тихо и спокойно. В первое время, в начале турне шоферами-американцами соблюдался еще более или менее приказ иметь всегда при себе заряженные карабины. Теперь же этот «ненужный балласт» все чаще и чаще забывался на базе. Одни только пулеметы торчали еще на железных стержнях, находящихся впереди каждого автомобиля.

Дождь лил как из ведра, а раскаты грома сливались в один сплошной гул. Казалось, что ополчившаяся на кого-то природа, мобилизовав все свои силы, в сумасшедшем порыве ревела и метала в своем гневе, давая понять, насколько еще сильно ее стихийное могущество и непреодолимая власть над самонадеянным человеком.

Две машины с бешеной скоростью пересекали черный как будто враждебно насторожившийся лес.

Вдруг головной автокар внезапно метнувшись в сторону, остановился так нежиданно, что многие сумки и портфели

попадали с полок, а несколько женских голосов слились в испуганном крике.

Поликарп Иванович Алмазов, как по боевой тревоге, быстро спохватился и выскочил из автомобиля. Он сейчас же оказался у шоферского сидения. При тусклом свете карманного фонаря, находившегося в одной руке ирландца, Поликарп Иванович увидел склонившегося на другую руку его безжизненное тело акробата Али Махмута. Пуля прошла через голову навылет, образуя зияющую рану у выходного отверстия. Черная кровь сочилась — стекала из раны.

Из-за бури и сильного грома выстрела никто и не слышал.

Начальник, не имеющий чина, честный американский солдат придя в себя после минутного оцепенения, неуклюже потянулся к пулемету. Исполняя свой долг командира-бойца, он решительно выпустил несколько очередей в непроглядную тьму, туда, где, казалось, сама темнота шевелилась-таилась в кустах...

На растерянную группу промокших людей, казалось, надвигались с враждебной силой высокие стены темного леса. Деревья как будто шептались тайком о чем-то таинственно страшном. Их тайну, может быть, теперь уже знал один лишь бедный Махмут.

Шпионка

НЕДОБРЫЕ, зловещие слухи о скрывающихся якобы в цирке немецких шпионах, пущенные неизвестно откуда и кем, быстро поползли по небольшому портовому городу, расположенному на берегах Атлантического океана.

Под влиянием этих слухов дирекция «шапито» сильно опасалась за сегодняшний сбор.

Но жажда зрелищ во всех слоях общества неистребима везде и всегда. Она присуща всем народам и во все времена.

Большое шапито «Триумфального» цирка, несмотря на тревожное время, правда пока что "drôle de guerre", медленно, но верно заполнялось многочисленной, праздничной толпой.

Цирковой оркестр перешел уже на финальное «аллегро» известной увертюры фон Зуппе «Легкая кавалерия».

Другая «Легкая кавалерия», состоящая из небольшого отряда совсем маленьких лошадок из породы «пони», построившись в «боевой порядок», готова была уже «размашистой рысью» выскочить на арену, дабы своим первым номером, начать программу дневного представления.

Шеф писта опустил уже руку в карман своего жилета за блестящим свистком, по сигнальной трели которого открывается спектакль, как вдруг он увидел рядом с собой

побледневшее лицо директора, взволнованным голосом объявившего ему: «По приказу префектуры представление отменяется. Только что получена телеграмма из Парижа : немцы перешли бельгийскую границу». Покачав головой и вздохнув, он грустно добавил: «Я думаю, что мы закончили наш последний сезон...»

Нехотя и вяло приступили циркачи к разборке шапито и только поздно ночью весь цирковой материал был перевезен на вокзал, находившийся совсем близко от берега моря.

Все вагоны были погружены на площадки собственного циркового поезда, который, однако, не мог немедленно двинуться в путь по случаю наступившего теперь уже настоящего военного времени. Поезд должен был ждать особого пропуска для дальнейшего следования к себе на базу.

Среди многочисленных зверей большого цирка находилась группа ученых морских волков (разновидность одной и той же породы тюленей), принадлежавших норвежской подданной Гертруде Янсен. Этот первоклассный номер по праву, заслуженно, пользовался большим успехом у публики, потому, что морские волки были действительно изумительными артистами. Помимо обычных жонглерских трюков, а также игры в футбол и прогулок по лестнице (все это проделывалось без сучка и задоринки), эти земноводные животные кончали свой номер блестящим выступлением оркестра-джаза, состоящего из нескольких саксофонов, маленького пианино и многочисленных ударных инструментов.

В оркестре особенно отличался самый молодой из музыкантов, симпатичный тюленок, по прозванию Бум-бум. Он с большим чувством и талантом играл на турецком

барабане. По знаку дрессировщицы, Бум-бум с удивительным проворством и ловкостью взбирался на свой инструмент, ложился на него всем своим туловищем и передними плавниками изо всей силы ударял, как руками, с двух сторон в барабанные кожи. К тому же, он нежно подпевал в такт своей музыке, высоко подняв блестящую, круглую голову. За эту «работу» талантливый барабанщик-фантезист немедленно получал из рук своей хозяйки двойную порцию рыбы, которую проглатывал с довольным видом, как вполне заслуженную награду за отлично исполненный номер.

Немолодая уже, одинокая, директриса труппы морских волков сохранила еще следы былой красоты. Ее сухощавая фигура была стройна и изящна, а большие, печальные, голубые глаза привлекали своей красотой. Переживши в молодости глубокую драму любви, Гертруда Янсен, в личной жизни всецело замкнувшись в себя, всей душой отдалась своей любимой работе укротительницы очень добрых и кротких зверей из породы тюленей.

Два немца специалиста — помощники Гертруды Янсен, успели уехать накануне объявления войны к себе на родину и теперь норвежка почти что одна должна была справляться с большой и трудной работой по обслуживанию своей труппы. Случайные рабочие, привлеченные к этому делу, мало облегчали ее труд, будучи людьми неопытными и недостаточно знающими характер зверей.

***

ПРОВЕДЯ в работе и заботах о своих питомцах беспокойную ночь и забывшись под утро тревожным сном, дрессировщица была разбужена на рассвете громким сту-

ком в дверь своего вагона с суровым приказом: «Именем закона — отворите! Полиция!»

Наскоро одевшись, укротительница, с мокрыми от слез глазами, умоляла жандармского офицера разрешить ей попрощаться навсегда со своими питомцами, но блюститель закона, сгорая нетерпением немедленно исполнить свой долг и сейчас же арестовать норвежку, оставался неумолимым по отношению к «грязной немецкой шпионке», родившейся в Гамбурге и прикрывающейся норвежским паспортом. Только вмешательство хозяина цирка, строгого, но справедливого и честного француза Шарля Виоле, принявшего горячее участие в судьбе своей многолетней и верной сотрудницы, заставило пойти на уступки строгого и ретивого полицейского. Он разрешил, наконец, разоблаченной норвежке, ликвидировать свою труппу по ее желанию и усмотрению.

После этого Гертруда Янсен открыла двери вагона — жилища тюленей и все звери по отлогой доске, один за другим, не замедлили быстро спуститься на землю. Укротительница взяла большое цинковое ведро, до верха наполненное свежей мелкой рыбой и пошла по направлению к берегу моря. Одной рукой она старалась держать ведро как можно выше, а другой — с небольшими промежутками времени, бросала рыбу следовавшим за ней с гамом и криком морским волкам. Звери шумною гурьбой поспешали за своей хозяйкой, с голодной жадностью, налету, подхватывая и глотая любимую пищу. Они удивительно забавно, с грациозной неуклюжестью, переваливались через рельсы запасных путей, на которых стоял цирковой поезд.

⁂

Странная процессия приближалась к берегу океана. Впереди шла Гертруда Янсен с высоко поднятым, почти пу-

стым уже, ведром, окруженная своей шумливой труппой. За ними следовали два жандарма. Немного подальше — хозяин цирка с жандармским офицером, а за ними — почти весь личный состав шапито: артисты, служащие, музыканты и рабочие.

Дойдя до берега океана, укротительница остановилась на краю небольшого обрыва. В руках она держала уже совершенно пустое ведро. Не считаясь с этим обстоятельством, проголодавшиеся на свежем воздухе морские волки громкими криками требовали добавочной пищи. Своими круглыми, гладкими головами с любопытной настойчивостью тянулись они к пустом ведру.

Тогда Гертруда Янсен, с трудом сдерживая нараставшее волнение, резким движением перевернула ведро и поставила его на землю кверху дном. Задыхаясь от рыданий, она приступила к выполнению, уже ясному для окружающих, неумолимо-неизбежного своего решения. Артистка попробовала столкнуть в воду двух, самых больших тюленей, находившихся поближе к краю обрыва. Но звери что-то почувствовали и пришли в страшное волнение. Обычно послушные и хорошо дисциплинированные, они теперь сопротивляясь и упираясь, неистово крича, фыркая и брыкаясь, отказывались исполнить ее волю.

Вдруг неожиданно Бум-бум, нисколько не думая, вскочил на ведро, навалился грудью на его дно и передними плавниками дробно застучал по железу, подобно тому, как он «работал» обычно на писте, играя на барабане. Тоненьким голоском, уверенно-громко он запел свою песню, как хорошо заученный урок. Потеряв самообладание, потрясенная до глубины души Гертруда Янсен упала на колени перед лежавшим на ведре-барабане своим любимцем. Обхватив его

руками, заливаясь слезами, она покрывала его поцелуями, приговаривая: «мой дорогой ребеночек, мой бедный Бум-бум...»

⁂

В эту минуту Гертруде Янсен вспомнился совсем маленький пушистый комочек, не обросший еще шерстью — самый симпатичный и привлекательный детеныш, из всех существующих на земном шаре пород диких зверей. Таковым был Бум-бум, когда его принесли в цирк на продажу норвежские рыбаки, захватившие маленького тюленя в одной из пещер скалистого берега Северного моря. Он был сиротой, потому что рыбаки заметили у входа в пещеру свежие остатки тюленьего тела — матери Бум-бума, убитой и съеденной белым медведем. Детски-невинные и кроткие глаза обворожительного детеныша с бесконечным доверием смотрели на его новую маму, кормившую приемыша теплым молоком.

В этот момент доверие к человеку прочно вошло в сознание Бум-бума с первой чашкой молока, выпитой им из рук доброй укротительницы. Вот и теперь, добросовестно проделав свой номер, Бум-бум с бесконечным доверием такими же кроткими глазами, полными детски-беспомощного изумления, пытливо смотрел на руки дрессировщицы, тщетно ожидая от нее заслуженной награды. Он никак не мог понять, почему ему ничего не дают — «ну, хотя бы одну маленькую рыбку»... Ведь он так старался, изо всех сил барабаня до боли в «руках» по твердому железу, а петь было так трудно из-за сильного шума океанского прибоя...

В это время все старшие товарищи из труппы Бум-бума, неуклюже топтавшиеся на краю обрыва, переживали странное раздвоение сознания. Все, как один, они повернулись

мордами в сторону волнующегося океана и жадно вдыхали свежий морской воздух. Их глаза горели каким-то особенным блеском с красным отливом.

Как видно, родная им грандиозно-дикая стихия начала уже захватывать своей могучей, всепоглощающей силой сознание своих заблудших сынов. Она предъявляла на них свои права, звала и манила к себе, раскрывая им свои беспредельные объятия.

Жандармскому офицеру начинала уже надоедать эта «скучная история». С выражением признаков нетерпения он что-то отрывисто приказал своим подчиненным. Два жандарма подошли к колеблющейся и теряющей, казалось, свою решимость укротительнице.

Гертруда Янсен как-то сразу встрепенулась, вскочила на ноги и с неожиданной силой отчаяния решительно начала сбрасывать тюленей с обрыва. Один за другим бултыхались они в воду. С горящими глазами, с искаженным страданием и вместе с тем как бы вдохновенным лицом, схватила артистка последним Бум-бума и с душераздирающим истерическим криком упала вместе с ним на край обрыва.

Маленький тюлень по инерции скатился вниз и плюхнулся в воду. Еще момент, и норвежка последовала бы за ним. Но, во-время подскочившие жандармы оттащили от края обрыва бившуюся в истерике артистку. Они посадили ее, содрагающуюся всем телом, на опрокинутое ведро. Сразу постаревши на несколько лет, несчастная женщина, неожиданно быстро успокоившись, сидела неподвижно, окаменев, точно мертвая, стиснув руки у себя на коленях. Человек двести сумрачно-молчаливых циркачей сомкнутым полукругом неподвижно стояли на прибрежных скалах. Большой ветер, нагнавший на серое небо свинцовые мрачные тучи, отчего стало как-то сразу темнее, бесцеремонно

и яростно трепал светло-желтые, как солома, волосы почти потерявшей сознание укротительницы.

Подошедший к ней жандармский капитан вывел ее из состояния полного оцепенения. Неподвижная и бесконечно жалкая фигура немецкой шпионки вдруг, болезненно передернулась.

На звон стальных кандалов она безропотно протянула свои худые, бледные руки.

* * *

НЕДАВНИЕ циркачи-артисты знаменитой труппы ученых тюленей Гертруды Янсен, закончившие свой последний сезон на писте «Триумфального» цирка, неожиданно очутившись в океанской пучине, сразу почувствовали себя, как дома, на родине. Самый сильный и крупный самец, недавний премьер труппы, называвшийся Викингом, описав несколько кругов под водой и убедившись в том, что все товарищи его в сборе, повинуясь какому-то высшему чувству-инстинкту, немедленно «принял командование» и повел свой «летучий отряд» в направлении, известном только ему одному. Все морские волки безропотно подчинились вождю — такова природа всех земноводных из породы тюленей.

Небольшая группа зверей, всецело доверяя чудному инстинкту и необыкновенному чутью старшего командира, все больше и больше забирала глубину ,опускаясь в морскую пучину, подальше от неприятного течения бушующих волн, сильно стесняющего свободное движение подводных путешественников. С каждой минутой решительный Викинг все дальше и дальше уводил своих, уже диких, товарищей от того краешка цивилизованного мира, где им суждено было познать и тюремную клетку зверинца, и «опьяняющий душу артиста сладкой отравой успех».

Все дальше и дальше — к беспредельной свободе, где нет ни темниц, ни оков.

Несчастный случай

МОЛОДОЙ жизнерадостный парень Павлуша Кириченко считался уже «старым циркачем».

Шел второй год его службы в цирке «Триумф», когда с ним стряслась страшная беда — несчастный случай на работе.

Каждое утро, перед обедом, как только общими усилиями всей труппы заканчивали натягивать «шапито», поджарый седой дрессировщик Давид Швейцер становился посреди писта с большим хлыстом наготове, с помощью которого он начинал гонять лошадей, заставляя их проделывать все «номера», входящие в программу вечернего представления.

А на головной лошади неизменно сидел Павлуша Кириченко, отлично знавший наизусть репетируемые «трюки» и помогавший «первому артисту» вести за собой всю лошадиную труппу. Добродушное лицо его выражало строгую сосредоточенность и сознание ответственности своей роли в ежедневно выполняемой им любимой работе. Когда «номер» вполне удавался, оно озарялось по-детски светлой, счастливой улыбкой, в противном же случае — сразу омрачалось, покрывалось тенью досады за невольно содеянный промах.

В это утро работа не спорилась. Животные почему-то нервничали (причину этого явления определить невозмож-

но) и опытный укротитель с чисто немецкой настойчивостью терпеливо и долго добивался подчинения их своей воле.

Наконец, усталый, измученный немец, переложив в левую руку свой хлыст, большим клетчатым платком начал вытирать градом катившийся по лицу его пот. Этим жестом он как бы «объявил» перерыв. Лошади остановились, нетерпеливо помахивая головами. Им давно уже надоела постылая репетиция и мерещились спокойные стойла в зверинце.

— «Доннэр ветэр»*), какая жара!» проговорил Давид Швейцер, направляясь к поднятому заломленному краю брезента, в надежде глотнуть свежего воздуха.

Не успел он сделать несколько шагов, как ужасный душераздирающий крик заставил его стремительно повернуться.

Возле головной лошади, немного позади ее, корчился на писте в муках нестерпимой боли с перебитыми обеими ногами, старший конюх и верный помощник дрессировщика — Кириченко.

ТЯГОСТНО потянулись печальные для прикованного к больничной койке тяжело раненого циркача. Он лежал неподвижно с подтянутыми кверху, словно тяжелые бревна, ногами, как железными клещами охваченными, плотно облегающим их гипсом.

Пока цирк оставался в Казабланке, где произошло несчастье с Павлушей, госпиталь посещали не забывавшие

*) Немецкое выражение, соответствующее русскому: «черт возьми!».

его сослуживцы по интернациональному шапито: «товарищи», «копены», «камрады». Но однажды они пришли все вместе, гурьбой, на минутку, только для того, чтобы попрощаться с больным.

Казабланка был последним портовым городом, в котором кончался африканский сезон цирка и «Триумф», не замедлив переброситься в Европу, снова делал там полные сборы, вполне оправдывая свое громкое имя.

Кто же мог вспомнить в далекой Европе, среди напряженнейней и труднейшей работы, в бешеном темпе проходящего циркового турне, о брошенном за «морями и долами», изувеченном и никому теперь ненужном циркаче-эмигранте?...

Часто в бессонные долгие ночи «осиротевший» Павлуша по-детски заливаясь слезами, умолял Вседержителя исцелить его, чтобы быть как все и снова работать, вернувшись в родную цирковую семью.

Также часто проклинал он то злосчастное утро, когда такой смирный и добрый, горячо любимый им и отвечавший ему тем же, умный мерин «Гарольд» неожиданно-страшным ударом задних ног перебил ему голени.

И кому причинил он столь ужасное зло? Ему — с детских лет знавшего, отлично изучившего и крепко любившего всех этих домашних животных, особено лошадей, так, как может любить их настоящий пахарь-крестьянин.

— «Ми жили дуже богато на хуторі й мали добрых коней», любил похвалиться перед русскими циркачами добродушный украинец.

— «А в полку у нас теж були не погани кони», продолжал излагать свою биографию младший унтер-офицер, пер-

вого эскадрона Гродненского гусарского полка Кириченко Павел...

Строгий начальник дрессировщик Давид Швейцер не любил, когда конюхи курили во время работы на писте. «Старый циркач» Кириченко хорошо это знал и все-же схитрил, воспользовавшись маленьким перерывом на репетиции для того, чтобы затянуться два-три раза за спиной своего шефа. Вот Бог и наказал его за «ловчение» и за нарушение дисциплины. Но Господь всемогущ и всеблагий. Он покарал согрешившего, Он его и простит...

И снова, заброшенный на чужой стороне простой русский человек горячо отдавался молитве и надеялся... верил в милосердие Божие...

ЖИЗНЬ шла своим чередом, оставляя за собой длинный хвост томительных, будничных дней, счет которым Павлуша давно потерял.

Небольшая сумма денег, бывшая при нем в день несчастья, быстро разошлась по мелочам и совсем «обедневший» молодой человек испытывал вечный голод (питание в больнице было совсем недостаточное) и, как истый курильщик — мучительное чувство от почти полного отсутствия курева.

— «Кабы знав де упасти, так соломки подостлав бы», с сожалением вспоминал Кириченко о непомерных затратах, сделанных им совсем накануне злосчастного дня — о контрабандном товаре, приобретенном им у японских «торговых» матросов.

— «Что стало теперь с моими шикарными костюмами, множеством рубах и других изделий из шелка, оставленных в цирке?», с горестью спрашивал себя хорошо знающий нравы бродячего цирка обладатель столь несметных «сокровищ».

— «Ну да чего там скулить напрасно — що з воза упало, то пропало», примирился в конце концов с потерей немалого «барахлишка» пошедший на поправку больной.

«Самое главное — быть здоровым, а на осталное на все наплевать с высоты цирковой мачты», решил Кириченко и перестал думать о понесенных убытках.

Дело в том, что с некоторого времени всем существом его завладели новые устремления и более значительные и глубокие переживания.

На днях, после тщательного осмотра заживших ранений, главный доктор, находясь в центре группы своих коллег и сестер милосердия, заявил, что теперь недалек тот день, когда «этот русский» встанет с постели на свои собственные, пока еще слабые, но вполне здоровые ноги.

Тогда дрожь жгучей радости охватила вдруг «старого циркача».

— «Неужели вернется прежнее? И — труд, хотя и тяжелый, опасный, но такой приятный, любимый... И — все то, что так щедро рассыпает на пути своем триумфальное турне знаменитого цирка: вечная новизна впечатлений, неизменный успех и внимание со стороны постоянно меняющейся публики; прелесть рискованных приключений и

легких любовных побед в прекрасных чужих городах и еще — что-то трудно объяснимое, что заставляет так радостно-трепетно сжиматься всякое сердце — молодое и старое — любого «старого циркача», когда он возвращается через некоторое время под кров своего шапито...

...И когда главный врач отошел со своим «штабом» от койки, Павлуша не мог уже сдержаться. Слезы умиленной радости затуманили его взор. Захлебываясь, идущими от самого сердца словами молитвы, он быстро зашептал благодарение Богу, и освобожденной из-под одеяла рукою, привычным жестом, осенил себя крестным знамением...

Необычайные пассажиры

ТОЛПА народа с раннего утра заполняет все пространство от крайних городских зданий до морского берега, у которого пришвартовывался большой товаро-пассажирский океанский пароход «Гибралтар».

Многочисленный наряд портовой и городской полиции с трудом сдерживает любопытных.

Высокие, мощные лебедки, обычно поднимающие с берега и опускающие в трюм бочки, ящики и тюки с разными товарами, сегодня должны это проделать с не совсем обыкновенным грузом. Сегодня грузятся несколько исключительно громоздких пассажиров — девять огромных слонов. Вернее — восемь, потому, что девятого пассажира нельзя еще назвать настоящим слоном, это новорожденный, совсем маленький слоненок. Зазу — так назывался младенец — недавно появился на свет в зверинце большого, интернационального цирка «Три Звезды». Это был редкий случай — обычно слоны не плодятся в неволе. Тем лучше для владельцев цирка братьев Самиотис, в полной мере использовавших этот счастливый для них случай. Как настоящие коммерсанты, они хорошо знали огромное значение рекламы во всяком деле, а тем более — в цирковом.

Прибавление слонового семейства было отпраздновано с большой помпой, конечно, в Париже, хотя Зазу и появил-

ся на свет совсем в другом месте и далеко от французской столицы. На торжество был приглашен «весь Париж», конечно корреспонденты газет и журналов. Фотографы с удовольствием щелкали своими аппаратами, снимая счастливое слоновое семейство, окруженное группой не менее счастливых людей: весьма польщенных ролью крёстных новорожденного — двух знаменитых французских артистов, конечно, братьев Самиотис и многочисленных почетных гостей. Таким образом, Зазу, едва появившись на свет и за недостатком времени, не имея возможности проявить какой-нибудь, даже самый незначительный талант, сразу сделался знаменитостью только потому, что был маленьким слоненком, имевшим счастье родиться в неволе в большом цирке братьев Самиотис «Три Звезды». Одним словом, Зазу повезло — он родился, как говорится, в рубашке.

И вот теперь, неопытному в жизни ребенку предстояло сделать довольно большое путешествие по морю, чтобы в составе интернациональной труппы начать зимний сезон в странах Северной Африки.

За несколько месяцев своей жизни слоненок ни разу еще не разлучался с мамашей Бомбой, прозванной так за солидный вес в пять тонн и за крупно-круглые бока. Он всегда старался следовать рядом с ней, а когда, не поспевая, начинал отставать, то цеплялся хоботком за ее хвост, испуганно протрубив перед этим своим неокрепшим еще голосом какую-нибудь дискантовую ноту.

Семь артистов из слоновой труппы были уже погружены в нижний трюм парохода. Позванивая железными

цепями, которыми они были привязаны каждый за одну из передних лап к крепким столбам-колоннам, трюмные пассажиры, с аппетитом закусив предварительно душистым сеном, наслаждались теперь поглощением вкусной и сладкой моркови. Оставалось присоединить к ним еще Бомбу и ее сына. Но эта операция никак не удавалась.

По приказу дирекции, для погрузки слонов была устроена большая соответственно размерам одного животного кабинка, в которую и входили по очереди довольно охотно добродушные великаны. Подъемный кран поднимал кабинку со слоном и опускал ее прямо в трюм, где и водворялся очередной пассажир, каждый на свое место. Таким образом, без особого труда были уже погружены семь слонов. Когда же очередь дошла до Бомбы, произошло осложнение.

Как только слониха вошла в кабинку, ее сынок поднял такой неистовый крик, будто его резали. Он пришел в страшное беспокойство и начал так метаться из стороны в сторону, что вмиг разбросал от себя дюжих рабочих и укротителей, напрасно старавшихся сдержать его.

Даже разнокалиберные и разномастные мальчишки большого, южного порта, видавшие всякие виды и не привыкшие особенно смущаться, и те с визгом в страхе разбежались врассыпную, оставаясь на почтительном расстоянии от нервнокапризного ребенка.

Зазу почувствовал, что его хотят разлучить (хотя бы даже на время) с любимой мамой, а этого он никак не мог перенести. С своей стороны, мамаша Бомба, вполне разделяя чувства первенца, с резко-пронзительным трубным ревом, выпрямилась во весь рост и высоко подняла голову с мотавшимся во все стороны могучим хоботом. От одного этого движения деревянная крыша кабинки мгновенно с треском разлетелась в щепки.

Когда же слониха поспешно повернулась, чтобы выйти из кабинки, то от ее стен, также немедленно, осталось одно воспоминание. Таким образом, кабинка в два приема как бы растаяла на глазах у почтеннейшей публики, оставив для видимости один только пол.

Не обращая внимания на угрожающие крики и на боль от уколов острыми пиками и железными вилками, которыми были вооружены укротители и их помощники, примерная мать бросилась навстречу детенышу.

Любящие сердца с бесконечной радостью соединились, и оба слона сразу затихли и успокоились.

— Что может быть выше материнской любви!

В ЭТО же самое время отец слоненка, солидный слонище весом в шесть тонн, веселый и легкомысленный мужчина в расцвете сил (ему недавно исполнилось сто лет) спокойно стоял в прохладном трюме и, может быть, совсем даже не думал об оставленном им на берегу беззащитном маленьком сыне.

Дышащий здоровьем Бим-бом — так звали папашу — легко переваривал только что съеденные за завтраком десять мешков моркови и от нечего делать посматривал по сторонам.

Вдруг его внимание привлек интересный предмет, висевший на гвозде, вбитом в один из столбов трюма. Этот предмет, при ближайшем рассмотрении, оказался малоподержанным пиджаком, купленным накануне, на местной толкучке, приставленным к слонам новым рабочим Адамским. Простоватый поляк был занят сейчас уборкой слонового помещения. Усердно работая и со свистом сопя

носом, он ловко выкатывал из-под слонов большие, окутанные легким паром, терпко пахнувшие свежим навозом светло-коричневые шары — результат и доказательство отличного пищеварения здоровых и хорошо откормленных животных.

А Бим-бом обдумывал в это время план овладения висящим на столбе, интересующим его предметом, с которого не спускал глаз. Попробовал было сделать шаг вперед, чтобы достать пиджак, но тяжелая цепь не пускала его. Тогда он весь понатужился, вытянул вперед, насколько мог, голову и ухитрился, наконец, схватить длинным хоботом висевшую на гвозде вожделенную вещь.

Пиджак немедленно очутился в глотке слона. Бим-бом с наслаждением причмокивая, пожирал чужую собственность и от удовольствия хрипло засопел. Этим, не совсем обычным звуком, он привлек к себе внимание рабочего, успевшего заметить быстро исчезнувший в слоновой пасти пиджак. Потрясенный ужасным зрелищем, несчастный Адамский завыл во весь голос: «Ай-я-яй! Что же ты сделал со мной, собачья кровь? Я только вчера заплатил двенадцать франков за пиджак...»

— А часы мои, отцовские, серебряные часы — тоже слопал, сукин сын!

— И все мои деньги... А карт д'идантите... Ай-я-яй! — она же была в кармане пиджака — вспомнил вдруг бедный Адамский и залился горькими слезами.

Редко чужое несчастье вызывает искреннее сочувствие у людей, окружающих пострадавшего человека, а тем более, когда это несчастье происходит в не совсем обычных условиях.

Находившиеся в трюме артисты и рабочие сбежались на «голос» Адамского. Узнав о причине его горя, они бук-

вально покатились со смеху. Вместо того, чтобы выразить сочувствие пострадавшему, его коллеги — наоборот, как бы, радовались происшедшему событию. Они даже воспользовались случаем, чтобы со смехом и не стесняясь в выражениях дать понять поляку, что он растереха, недотепа и просто дурак.

Мало того — они даже как будто с одобрением поглядывали на ухмылявшуюся морду нахального слона.

Товарищи Адамского, правда, ничего не говорили по адресу вора, но по выражению их лиц и веселых взглядов, бросаемых в сторону Бим-бома, можно было догадаться, как они, приблизительно, думали о нем: «Вот молодец! Ай да ловкач наш Бим-бом!...»

А сам дерзкий злоумышленник, с самым невинным видом, стоял в стойле и ни о чем не беспокоился. Казалось, даже, что он разделял веселое настроение собравшихся рабочих и с насмешкой посматривал на расстроенного и хныкающего в своем углу Адамского.

И только когда циркачи разошлись по своим местам, а старательный поляк снова приступил к работе, бесшабашный Бим-бом заметил отсутствие своей семьи и только тут почувствовал свое грустное одиночество.

Рядом с ним зияла трюмная пустота, незанятое место, специально оставленное для Бомбы с ее сыном.

ПОСЛЕ первой неудачной попытки отправить в трюм Бомбу отдельно от ее сына, все три брата Самиотис личным своим участием в погрузке слонихи подчеркнули важность этого дела. Они приказали немедленно построить новую кабину, а Бомбу и Зазу отвести в па-

латку зверинца и хорошо покормить, дабы успокоить их расстроенные нервы.

Вторая попытка погрузки Бомбы потерпела так же полную неудачу. Восстановленная кабинка снова разлетелась вдребезги, а неистовство маленького слона не имело границ. Напрасно братья Самиотис раздавали направо и налево оплеухи рабочим и помощникам укротителей — дело не двигалось с места. Даже сам главный укротитель слонов, чешский красавец Саблик, еще не так давно служивший в цирке простым конюхом, а теперь по воле дирекции выступавший на писте в качестве знаменитого укротителя Робертсона — и тот не избежал пощечины от крайне раздраженного, старшего брата Самиотиса.

Колоссальные афиши в несколько цветов и художественные фотографии украшали уже стены домов и витрины главных магазинов Казабланки, Каира и других городов Северной Африки, изображая во весь рост неотразимого Робертсона — знаменитого укротителя диких зверей и покорителя женских сердец.

Каково было бы разочарование гордых каирских лэди или даже совсем скромных тунисских дам, если бы они вдруг узнали, что этот небритый и грязный человек в рабочем комбинезоне, только что державший (и не удержавший) за хвост маленького слона, с красной щекой от полученной за это пощечины, и есть знаменитый укротитель диких зверей, интернациональный артист Роберт Робертсон.

Но это оборотная сторона медали циркового дела, о существовании которой не должна даже и подозревать почтеннейшая публика.

Провозившись с Бомбой и Зазу безрезультатно почти целый день, обескураженная дирекция собрала под вечер

совет специалистов, своего рода — трест цирковых мозгов. На этом совете было решено соорудить к завтрашнему утру большую, почти двойную кабинку, чем вопрос и был исчерпан.

На другой день Зазу спокойно вошел в кабинку и, как самый благовоспитанный мальчик, чинно стал возле мамаши.

Остальные звери были отправлены в трюм обычными способами, без особенного труда.

Наконец, погрузка огромного парохода была закончена.

Как Ноев ковчег, «Гибралтар» был до отказа наполнен, начиная с нижнего трюма и до верхней палубы, всевозможным зверьем.

Вагоны с рабочими, служащими и артистами оставались на палубе. Их привязали за колеса крепкими канатами к многочисленным железным петлям, прочно вделанным в палубу парохода.

ПОСЛЕДНИЕ приготовления к отплытию были закончены. «Гибралтар» хрипло заревел протяжным гудком. Внизу застучали машины и весь корпус парохода задрожал.

Выстроившиеся на верхней палубе музыканты взялись за трубы. Капельмейстер Вельчек взмахнул палочкой, и звуки большого хорошо сыгранного циркового оркестра резко прорезали чистый воздух осеннего вечера.

Бравурные звук русского марша «Бой под Ляояном»

сильно отражались зеркальной поверхностью моря, мощно увеличивая тем резонанс.

Думал ли когда-нибудь скромный русский капельмейстер одного из серых пехотных полков — великой силы Российской, — что творение его прочно войдет, как классический марш в программы всех цирков, музик-холлей и военных оркестров всего мира. Только имя этого русского музыканта навсегда останется никому не известным, ибо каждая страна считает его марш своим, издавая произведение его под своим собственным названием и даже часто — за подписью своего собственного вора-композитора.

«Гибралтар» медленно отходил от берега, все увеличивая ход.

Звуки русского марша хватали за душу, напоминая о чем-то далеком и бесконечно родном...

S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris-20e